

Марина
Скрябина

Умереть —
это не страшно

Марина Скрябина

Умереть – это не страшно

«У Никитских ворот»

2017

УДК 82-3
ББК 84(2рос=Рус)6.44

Скрябина М.

Умереть – это не страшно / М. Скрябина — «У Никитских
ворот», 2017

ISBN 978-5-00095-270-2

Сентиментальные романы Марины Скрябиной известны широкому кругу читателей. Включение в сюжет криминальной составляющей – первый опыт автора. Но ощущение правильности и логичности мира, какие бы страшные трагедии в нем ни таились, – остались главной идеей. И добро побеждает, как и в других романах Скрябиной, потому что добро заложено в человеке с рождения. Конфликт отцов и детей, а здесь – конфликт матери и дочери, оказавшихся по воле судьбы по разные стороны баррикад, никого не оставит равнодушным... Если устоявшиеся взрослые мозги в перестройку закипали от развала Советского Союза, мнимой демократии и откровений «Архипелага ГУЛАГа», от сексуальной революции, бандитского разгула и наркоты, вылезшей из подполья, то неокрепшие души подростков улетали прямо в ад. И дети перестройки вовсе не виноваты в том, что наркотики стали их стилем и смыслом жизни. Они – потерянное поколение, появление которого будет аукаться и столетие спустя, как последствия Великой Отечественной войны, выкосившей миллионы человеческих жизней. Перестройка оказалась не менее разрушительна, чем война.

УДК 82-3
ББК 84(2рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-00095-270-2

© Скрябина М., 2017
© У Никитских ворот, 2017

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Марина Скрыбина

Умереть – это не страшно

Умереть – это не страшно, гораздо страшнее жить.

События вымышлены. Любое сходство случайно.

*Кто-то там наверху сыплет капли дождя,
Наблюдает и ждет кто-то там наверху,
Видит больше, чем я, знает все наперед...*

Рок-группа «Этажи»

© Скрыбина М., 2017

© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2017

* * *

Дневник я нашла спрятанным за батареей отопления в гостиной, когда убиралась в подмосковной квартире, выставленной на продажу после смерти моей старшей дочери Алисы. Раньше я не могла переступить и порог, все собиралась с мыслями и силами, ведь Алису нашли мертвой на асфальте под окнами спальни более полугода назад.

Моя девочка лежала лицом вверх, к небу, к солнцу, с веером рыжих волос и с широко открытыми глазами, выражающими скорее счастье, чем ужас. Счастье, видимо, оттого, что наконец-то отмучилась на этой грешной земле. Но под телом, больше напоминающим сломанную куклу-манекен, нежели красивую миниатюрную девушку, растеклась лужа крови. Мне не довелось это видеть воочию – слава Богу! – только фотографии, которые по моей просьбе отправил на электронную почту один из знакомых оперативников, выезжавший на происшествие. А мертвую Алису поспешили убрать с оживленного центрального проспекта.

Самоубийство или нет? Долго гадать не стали, тем более, что предсмертная записка валялась тут же, на полу спальни, когда вызванный соседями наряд милиции (которую еще не успели переименовать в полицию) вошел в распахнутую настежь входную дверь Алисиной квартиры. По документам она принадлежала мне, но многие годы дочь от первого брака Алиса пользовалась ей, как собственной, ведь мы со вторым мужем и детьми проживаем в столице. Участковый тоже внес свою лепту в классификацию «самоубийство», прибыв на место происшествия без промедления, проведя опрос соседей по горячим следам и вывалив всю имеющуюся информацию оперативникам и криминалисту о «нехорошей квартирке».

Я тянула и тянула с продажей пустующего после Алисиной смерти жилья, а счета за оплату коммунальных услуг множились и множились. Пора было что-то решать, потому что арендовать квартиру, в которой произошло самоубийство (или все же – убийство?), никто не хотел. Да и с продажей, я подозреваю, возникнут проблемы по той же причине, поэтому обратилась в московскую фирму недвижимости, чтобы никто из покупателей о трагедии не прознал раньше времени.

И вот я здесь. Приехала с рабочими, чтобы выкинуть рухлядь и навести косметический ремонт перед появлением первых претендентов на освободившуюся жилплощадь. Не знаю, как сейчас, но раньше это называлось «подшаманить». Нанятые гастарбайтеры сгребали тряпье без разбора в мешки, непригодную мебель сносили к мусорному контейнеру во дворе.

Дневник Алисы нашелся бы и раньше, если бы тяжелые ночные шторы в гостиной не прикрывали окно полностью. Но полгода назад дежурный наряд милиции вкуче с участковым не стали упорствовать с обыском квартиры. Для них все стало ясно с первого взгляда:

окно в спальне – нараспашку, предсмертная записка брошена на полу. Криминалист ничего подозрительного ни на подоконнике, из которого шагнула Алиса, ни на ее теле не обнаружил. Следы борьбы или сопротивления тоже отсутствовали. Вывод напрашивался сам собой: очередная наркоманка свела счеты с жизнью, не дожидаясь ломки. Такая нестыковочка, что в крови дочери потом не обнаружили и следа от дури, никого не заинтересовала и не насторожила. Дело поспешили закрыть.

В пыльной гостиной с засаленными ручками шкафов царил полумрак, несмотря на то, что окна выходили на южную сторону. Может быть, для того, чтобы не было видно грязи? Я не рискнула снять в прихожей уличную обувь, и теперь под ногами хрустели осколки стекла. Алиса мне сказала за месяц до своей смерти, что последние квартиранты сбежали в спешке по каким-то неведомым причинам. Знаю наверняка, что редкие квартиросъемщики заботятся о чистоте чужого жилья. Но и моя дочь не часто наводила хотя бы относительный порядок. И вообще – она не любила день, она любила ночь, ведь ночью все кошки серы. И в ночном клубе никто не поинтересуется, каково у тебя на душе, потому что никому до этого нет дела.

Наверное, странно выглядит со стороны, что я не оплакиваю собственную дочь, читая ее личный дневник. Но мне есть оправдание: я выплакала все слезы еще при жизни Алисы...

Иногда мне кажется, что дальнейшие события совершены дочерью только для того, чтобы сделать мне больнее. Признаться себе в том, что ненавидишь мать, могут далеко не все. А Алиска, если и признавалась, то не понимала до конца, какую разрушительную силу культивирует внутри себя. И сколько я ни пыталась доказать свою материнскую любовь к ней, чтобы приуменьшить ненависть – попытки оказывались тщетными. Но зачем для мести матери убивать себя? Не значит ли это, что себя по каким-то причинам Алиса ненавидела еще больше?

Глава 1

Крошка Алиса

О том, что я – шлюха, я узнала от собственной мамы еще в тринадцать лет, когда пришла из школы в семь часов вечера. Это всего лишь на час позже назначенного времени, но мать орала, что я – шлюха, отняла у меня хорошую одежду и обвинила в том, что я пила пиво, хотя я еще не знала, что пиво можно с кем-то пить на улице.

Мы и в «бутылочку» играли с друзьями, осторожничая, целуя друг друга целомудренно в щечку, даже когда точно знали, что родители нас не видят. Иногда после уроков мы собирались у нашего одноклассника Ромки, чтобы послушать музыку, пообщаться и потанцевать. Только у Ромки из всех нас была хорошая аппаратура и классные аудиокассеты.

1993 год

(Из дневника Алисы)

Я – мама непутевой девочки Алисы. Листая скрюченные, как в припадке, страницы общей тетради-дневника, постоянно ищу себе оправдания, вспоминая все то, о чем читаю, только находясь по другую сторону баррикад. Откровения моей дочери были страшными. Кое-что я знала наверняка, кое о чем догадывалась и раньше, но...

Менее страшными они не становились...

Моя дочь родилась в олимпийский 1980-й год. Я хотела назвать ее Олимпиадой, Липочкой по-домашнему. На мой взгляд – очень мило и оригинально, но родственники со стороны мужа возроптали. Пришлось экстренно выискивать другое имя. И дочь стала Алисой, как главная героиня Льюиса Кэрролла. Говорят, что имя определяет жизнь. Может, если бы я ее назвала по-другому, судьба моей дочери не была бы столь трагичной? И она не искала бы сказку там, где ее не могло быть по определению. Или название всему этому кошмару – перестройка?

Перестройка... Непростое время, когда целое поколение подростков оказалось не только не у дел, но, как выяснилось много лет спустя, попало под действие анти-русской или антироссийской доктрины извне, направленной на развал и уничтожение сильного государства. И дети перестройки вовсе не виноваты в том, что наркотики стали их стилем и смыслом жизни. Они – потерянное поколение, появление которого будет аукаться и столетие спустя, как последствия Великой Отечественной войны, выкосившей миллионы трудоспособного населения. Перестройка оказалась не менее разрушительна, чем война.

Эти события могли происходить в любом городе бывшего Советского Союза, но речь пойдет о Подмоскovie, где за бандитское лидерство в глубокое доперестроечное время сражались Люберцы и Долгопрудный, Раменское и Солнцево, Коломна и другие, не менее известные на слуху, города. Криминогенная обстановка зашкаливала за все возможные пределы. Стенка на стенку бились разделенные чьей-то безжалостной рукой городские кланы.

Помнится, лет в двенадцать я шла из школы, когда на соседней улице заборный штакетник в один момент разлетелся на колья и превратился в «оружие пролетариата» за неимением под рукой булыжной мостовой. Поле боя оглашали дикие выкрики нападавших и обороняющихся. Вы можете удивиться, но матерных слов я тогда не знала, поэтому для меня выкрики дерущихся были просто какофонией звуков. А я сама, испугавшись до смерти, забилась в угол хлипкого сарайчика, поскольку в то время мы с семьей жили в собственном деревянном доме, расположенном хоть и в центре города, но среди ему подобных. Многоэтажки еще не успели

захватить частный сектор. Так вот, спряталась я в сарайчике, чтобы переждать побоище, и долго потом не могла выйти, опасаясь нарваться на кого-то из оголтелых бойцов.

Желтой прессы в социалистическом государстве в принципе не существовало, а разборки будущих перестроечных братков и рэкетиров замалчивались, насколько возможно, погребенные среди милицейской нетленки.

Когда город поделился на группы и кланы? Неизвестно. Мой папа рассказывал, что в конце пятидесятых такого не существовало. Могли, конечно, ребята подраться из-за девушки, кому-то наподдать, и ножичком подрезать могли, но это были обычные мужские разборки, безо всякой примеси уголовщины. Мне же довелось жить в иной действительности, где «фабричные», «совхоз», «лыжники», «голубятня» и другие городские группировки имели свои территориальные претензии...

В первый раз я вышла замуж сразу после окончания школы. Это произошло потому, что мама со мной не разговаривала об интимных сторонах жизни. В советское время это было не принято, стыдно, да и вообще, как высказалась одна дамочка во время телевизионного шоу: «В Советском Союзе секса не было». Правда, как она же утверждала позднее, из эфира вырезали часть фразы: «...Секса не было, а была любовь», – но абсурдность и при таком раскладе оставалась. Вся аудитория, включая телезрителей, рухнула на пол от смеха: почему же мы еще не вымерли, как мамонты?! А фразочка стала крылатой.

Тем не менее, забеременела я сразу же, как переспала с первым своим более чем настойчивым ухажером, откуда дети берутся, познав на практике. Родители нас быстренько поженили, поскольку по существующим нормам морали разведенки и матери-одиночки в Советском Союзе приравнивались к легкодоступным женщинам.

Несмотря на мои каждодневные старания, ячейка общества у нас с мужем не сложилась, ведь я хотела видеть точно такую же семью, как моя собственная, в которой я появилась на свет. Где почитали старших, где любили всех родственников, невзирая ни на возраст, ни на занимаемые должности, ни на особенности характера, где на праздники собирались большим дружным семейством за одним столом, вместе ездили за грибами, квасили капусту. Где никогда не слышалось мата, а слово «мужик» было ругательным. Лишь много лет спустя я поняла, что мечта о подобной семье утопична изначально, потому что таких идеальных семей единицы не из сотен, а из тысяч.

К тому же у нас с мужем обнаружили совершенно противоположные представления о семейном отдыхе: я любила цивилизованное времяпрепровождение где-то в санатории или в доме отдыха, чтобы хоть раз в году отойти от уборок квартиры и кухонного рабства, а муж тащился от турпоходов, заездов в турбазы с удобствами в кустах и от ежегодных рыбалок на Ахтубе. И если двух-, трехдневные походы пережить я еще могла с горем пополам, то двухнедельная Ахтуба в августе на сорокаградусной жаре в палатках – увольте! – не для меня.

Все это выявилось значительно позже, а в тот момент, когда я узнала о своей беременности, мамина реакция показалась мне дикой и кошунственной:

– Марш сейчас же на аборт!

Об этом и думать не хотелось. Во-первых, это больно и сейчас. Что будет больно потом – не думалось вовсе. Во-вторых, медицина в то время была, мягко говоря, не на высоте, и огромное количество проабортированных женщин становились бесплодными. А я хотела иметь собственных детей, хотела продолжения себя в веках, видя в этом главное женское предназначение, так что рисковать не стала. В-третьих, если уж так случилось, то – надо рожать, ведь будущий папаша скакал вокруг меня диким сайгаком от счастья, что я стану его женой. Кстати, и сообщать о приятном известии моей маме отправился он.

Свою дочь Алису, рожденную в этом скоропалительном браке, я любила всегда, но воспитывала ее, сама оставаясь ребенком, а значит – максималисткой, не терпящей никаких полутонов, полумер, полудоговоренностей. Компромиссов для меня не существовало в принципе.

В чрезмерной опеке своего чада я видела главную задачу заботливой матери. А сколько раз я отбивала маленькую Алису у колошматившего ее отца Леши, моего первого мужа?! Но что-то вкусненькое – ей, а красивое платьишко и туфельки при тотальном дефиците – ей, а связать красивую кофточку и шапочку, а перешить – вручную! – цигейковую шубку, а почитать на ночь книгу, да и не на ночь тоже – ей! Ей! Ей! А свозить в театр или в кино... Если в зубах, как кошка, не носила!

Вот только общеобразовательных пособий по психологии в продаже не было, поэтому никто мне не поведал, что любые жизненные моменты нужно проговаривать с ребенком вслух, а не только заражать личным трудовым примером. Я же чистосердечно полагала, что Алиса увидит, как я постоянно пашу на работе, дома, на даче, и поймет, что нужно обязательно трудиться, чтобы достичь чего-то в жизни. И еще – никто мне не сказал, что нельзя держать деньги в квартире открыто, чтобы не соблазнять тонкую и ранимую душу подростка. От соблазна взять деньги, оказывается, мало кто может удержаться, особенно ребенок. Но это я узнала гораздо позже и не смогла предотвратить дальнейших событий.

Или все было predetermined изначально?

Чем старше становилась дочь, тем сложнее было находить с ней общий язык. Мои родители рьяно взялись помогать, но мне виделось, что они слишком балуют Алису. Хотя проблемы оказались куда глубже, чем я могла себе представить в самом кошмарном сне.

Когда выходишь замуж в семнадцать лет, не думаешь, что вторая половинка может наградить твоего ребенка наследственными заболеваниями, особенно теми, которые скрыты от посторонних глаз. Например, психическими. Тем более, что они не проявляют себя никоим образом до поры до времени. После десяти лет замужества за истеричным мужиком, который после каждой выпитой рюмки водки становился буйным и перебил во время своих истерик горы посуды, дверных и оконных стекол, я так и не поняла, что имею дело с шизофреником. Благо – на меня он руку не поднимал, а то бы «семейная идиллия» закончилась значительно раньше.

Только когда его мама – моя бывшая незабвенная свекровушка – стала проявлять чудеса ораторского искусства во время частых приступов неконтролируемой агрессии, при которых связанные фразы в ее устах становились набором слов, я призадумалась и, признаюсь, сильно испугалась. Если свекровь больна шизофренией, которая, как известно, не дает осечек и передается следующим поколениям, тогда становились понятны истерики мужа, а психическое здоровье моей, на тот момент – единственной, дочери подвергалось невероятному риску, потому что, насколько стало известно, болезнь передается через поколение. Я настойчиво отгоняла от себя страшные мысли, но теперь присматривалась к дочери с пристрастием.

В десять лет моя Алиса ничем от сверстниц не отличалась. Да, звезд с неба не хватало, но и в отстающих не ходила. А сколько мы стихотворений с ней выучили наизусть! А сколько книг прочитала она сама, и сколько я ей перечитала вслух, потому что у Алисы обнаружилось плохое зрение... Но успокоилась я рановато. Как только наступил определенный период становления личности и взросления, проблемы повывезали одна за другой.

Когда дочери исполнилось тринадцать лет, переходный возраст зацвел ярким цветом. Он сносил мозги даже у относительно здоровых детей, а у моей дочери... Однажды я возвращалась раньше времени с работы и свою дочь увидела издали: она вышагивала с подругой по другой стороне улицы около нашего дома в обтягивающих ярких лосинах по той моде и в моем черном бюстгальтере! Это был довольно закрытый вариант, но тем не менее – нижнее белье! Я перебежала дорогу, сгрэбла Алиску в охапку и потащила волоком домой. А она упиралась! Считаю, видимо, что очень красиво одета. Дома я ей, конечно, всыпала по первое число, потому что была в ярости:

– Алиска! Как ты могла выйти в таком виде на улицу?! Ты хотя бы имеешь элементарные представления о приличии?! В таком виде могут только шлюхи снимать мужиков! А ты вырядилась как шлюха! Как шлюха! Ты слышишь меня?

Это был первый звоночек психической неадекватности дочери, решившей прогуляться по улице в бюстгальтере. А сколько было потом... Уже не звоночков, а набатов. Может, я и была чересчур строга с ней, но лишь потому, что любила Алису и хотела ей добра.

Не желанием ли добра вымощена дорога в ад?

Кстати, тот мальчик, о котором упоминает в дневнике Алиса, Роман, погиб два года спустя, прыгая в глубокий овраг на самодельной тарзанке. Для всех одноклассников, включая Алису, это стало шоком. Первая смерть ровесника. Тогда тарзанка была повальным подростковым развлечением, за неимением ничего лучшего. Злополучная толстая веревка крепилась к ветке дерева над оврагом, но перетерлась около узла. Рома сломал позвоночник, когда она оборвалась. Скорая помощь не довезла мальчика до больницы. Алиса несколько дней была в трансе от этой нелепой смерти.

А в нашу и без того непростую жизнь вмешалась перестройка, покорежившая не тысячи – миллионы людских судеб, но хуже всего досталось тому потерянному поколению, к которому принадлежала моя дочь. Их в школе учили социализму и коммунизму, а за окнами школы уже процветал махровый капитализм со всеми вытекающими последствиями.

Если устоявшиеся взрослые мозги закипали от развала Советского Союза, мнимой демократии, откровений «Архипелага ГУЛАГа», сексуальной революции с ночными телепередачами «Об этом», от дешевых ярких тряпок, более напоминавших проституточный прикид, от лившегося рекой спирта «Роял», ядовитой шипучки из пакетов «Упса», куриных «ножек Буша», бандитского разгула и наркоты, вылезшей из подполья, то неокрепшие души подростков улетали прямо в ад.

Обезумела вся страна, скупая какие-то акции, постоянно меняя дензнаки, отоваривая нищенские продовольственные карточки, сражаясь с пирамидами Мавроди... Инженеры переквалифицировались в разнорабочих и продавцов, бандиты – в бизнесменов, комсомольцы – в челноков, привозивших из-за бугра тряпье... Партийная верхушка «прихватизировала» все, до чего смогла дотянуться, а ярые коммунисты не менее рьяно вдруг уверовали в Бога.

Каждый выживал, как мог. Человеческая жизнь не стоила и ломаного гроша!

Именно в этот 93-й разухабистый год мой неадекватный муженек Алексей отчебучил такое!.. Я уже упоминала, что не хотела и думать о поездках в Астрахань в августовскую жару на рыбалку, а муж буквально бредил ими. Раньше он ездил с друзьями на их машинах, но год назад мы купили легковушку «Таврию», которую супруг непременно хотел опробовать в действии. То есть поехать на собственной машинюшке – по-другому это чудо техники назвать невозможно! – в дальнее путешествие. Компанию, с которой он ездил, я знала хорошо по общим вылазкам на пикники: и мужчин, и их жен, и детей, поэтому спокойно отправила дочь вместе с папашей на машине. Но в этом году поездка на Ахтубу вдвоем с отцом стала для Алисы первой и последней.

Городского телефона у нас в квартире не было, поэтому я ждала приезда мужа и дочери пятнадцатого августа. Дата была неточной, могли и раньше приехать, могли – позже. Но в память впечаталось именно это число, потому что мне на работу позвонила незнакомая женщина.

– Здравствуйте, вы меня не знаете. Я – Сима Перлова. Не волнуйтесь. Алиса у нас, – у меня внутри все похолодело, и я начала по стенке сползать вниз, чувствуя внезапную слабость в ногах, а женщина продолжила. – На трассе у вашего мужа поломалась машина, и он отправил дочь Алису в Москву с нами: мы тоже ехали с Ахтубы.

Тупея от навалившейся информации, я смогла только спросить, с большим трудом подбирая слова:

– Мы – это кто?

– Мы с мужем. Это было еще вчера. Мы приехали в Москву ночью, поэтому звонить не стали. Да и домашнего телефона у вас нет. Алиса у нас заночевала, а теперь вы можете ее забрать.

– А попросите Алису к телефону, пожалуйста, – еле ворочая онемевшим языком, прошептала я.

Голос не слушался. «Моя доченька у неизвестных людей! А вдруг они что-нибудь ей сделали?! А вдруг – это извращенцы?!» – метались подбитые страхом мысли.

– Да, конечно, – бодро сказала незнакомка, и трубка тотчас переключалась к Алисе.

Называю Симу незнакомкой, потому что с таким же успехом она могла назваться любым другим именем. Первым делом я, конечно, спросила, даже не поздоровавшись с дочерью:

– Алиса, у тебя все хорошо? Кто с тобой?

Простодушная моя девочка, которая НИКОГДА – я ее даже в больнице не оставляла одну! – не ночевала у чужих людей, прошептала:

– Здравствуй, мамочка! Мы вчера так хорошо попутешествовали. А когда ты за мной приедешь?

Услышав Алискин голосок, я немного успокоилась, но тревога за дочь не оставляла меня:

– Алиса, дай-ка трубочку тете Симе.

– Да, я вас слушаю, – отозвалась незнакомка.

– Спасибо вам огромное за мою дочь. Как мы с вами договоримся? Куда мне подъехать?

– Давайте, мы с мужем привезем девочку на ваш вокзал? Вы же приедете в Москву на электричке? Когда сможете?

– В нашем направлении с десяти утра до двенадцати технический перерыв, поэтому поезда не ходят. Я смогу подъехать к половине второго. Давайте, чтобы не потеряться, договоримся, что встретимся у пригородных касс.

– Согласна. Мы будем вас ждать, – и повесила трубку.

Только спустя пять минут, выбегая с работы, я сообразила, что не записала хотя бы домашний телефон этой самой Симы. А вдруг мы разминемся? Где мне искать Алиску в многомиллионной столице? Хорошо, что рядом не было моего придурка-мужа, а то бы я его просто прибила. Отправить родную тринадцатилетнюю дочь фактически автостопом, с неизвестными людьми! Как чемодан? Это у меня в голове не укладывалось!

Слава Богу! Хотя тогда в Бога я не верила, как и большинство советских граждан, воспитанных в атеизме, но это был первый раз, когда я вознесла хвалу Богу. Слава Богу! Все обошлось! И я обняла мою лягушку-путешественницу через полтора часа после звонка тети Симы, ровно в половине второго дня.

Я еще долго пыталась Алису об этой поездке, выпрашивая новые подробности, не в силах сложить два и два. А вдруг что-то было не так? Как выяснилось, «не так» было всю поездку. Муж постоянно пьянствовал с друзьями, забывая покормить дочь, оставляя ее одну на берегу около палатки, не озаботившись, что на маленькую тринадцатилетнюю девочку могут напасть пьяные мужики. Алиска кормилась подножным кормом, иногда папаня приносил улов, который тут же варили в котелке, чтобы не заморачиваться. Этой похлебкой Алиса и питалась с утра до вечера. Наличные все до копейки были пропиты, поэтому ребенка отправили обратно почти автостопом. Это мне потом вкручивалось Алисой по наущению ее папаша. А вот что я прочитала о той поездке сейчас в дневнике.

Я сидела на пустынном острове в полном одиночестве, как Робинзон, потому что никуда с него не могла выбраться. Отец уезжал на лодке, а я была предоставлена сама себе сутки напролет. Моими развлечениями

стало загорание и купание в Волге, да приготовление непритязательной пищи на костре. Я даже толком не помню, что ела. Куда пропал папаша, мне было непонятно. Видимо, с какой-то бабой развлекался, но у меня тогда таких мыслей не возникало. Единственно, что хорошо запомнилось – мое необычное возвращение из Астрахани в Москву.

По дороге у отца сломалась машина, и он, недолго думая, отправил меня в Москву с двумя совершенно незнакомыми мужчинами. А может, это был опять ход конем, чтобы с той бабой продлить отпуск?

1993 год

(Из дневника Алисы)

Этого я не знала. Честно – не знала! Мне-то оба ввали, что Алиса ехала с супружеской парой. Даже один из мужиков оказался умнее папы

Леша, прикрывшись собственной женой Симой, чтобы дозвониться до меня. Я ведь за такое путешествие вполне могла подать в суд на случайных попутчиков.

На придурочного мужа я просто накинулась с кулаками, увидев его на пороге квартиры через три дня. Никакой ответственности! Моего единственного ребенка доверить неизвестным людям! Знала бы, что это были двое мужчин, сразу развелась бы к чертовой матери! Потому что все, что происходило дальше, зависело в том числе от этого, казалось бы, незначительного эпизода. **НО АЛИСА ТЕПЕРЬ НЕ БОЯЛАСЬ САДИТЬСЯ В МАШИНУ К НЕЗНАКОМЫМ МУЖЧИНАМ!**

Больше я их вдвоем никуда не отпускала. Хотя нельзя сказать, что Алискин отец не любил ее вовсе. Заботился, как мог. Другое дело, что его не научили этому в собственной семье, где он слыл мамочкиным любимчиком. Сейчас можно перебирать до бесконечности стопки сделанных им собственноручно фотографий и слайдов, где Алиса отрабатывает первые шаги, танцует снежинкой в детском саду, играет на пианино, рисует акварелью, гуляет в парке... А несколько раз папаша устраивал Алисе фотосессии, обряжая в разные платьишки и подкрашивая моей косметикой...

Когда я стала встречаться с Вадиком, мне было пятнадцать лет. Мать застала нас одних дома, после чего она сделала вывод, что я – последняя шлюха. Я никогда не считала себя таковой, как впрочем – не считали и мои школьные друзья и подружки. Но зачем жить, если собственная мать считает меня подзаборной шлюхой? Я нашла дома упаковку фенозепама и выпила все двадцать пять таблеток. Последнее, что помню: я зачем-то пошла в школу в театральный кружок. Дальше – провал, а проснулась я уже под капельницей. Надо мной склонилась мама и с непонимающим видом на меня смотрела.

1995 год

(Из дневника Алисы)

Моя дочь хорошела с каждым днем. Весной Алисе исполнилось пятнадцать. И хотя роста она оставалась небольшого, ее фигурке наверняка завидовали многие подружки, а молодые люди шею сворачивали, проходя мимо. Что когда-нибудь моя дочь влюбится – не оставляло сомнений. И вот появился на горизонте тот самый смазливый мальчонка, от которого у нее снесло башку. По-другому дальнейшие события нельзя охарактеризовать. Видя бескрайнее счастье в ее глазах, я старалась не вмешиваться, чтобы неосторожным словом не спугнуть первую любовь моей девочки.

Я только иногда с осторожностью расспрашивала Алису о новом друге, стараясь выведать побольше, но она отмалчивалась, отделяваясь одной-двумя фразами, из которых я поняла, что избранник моей дочери воспитывался в хорошей семье. Сын адвоката. И я успокоилась.

Однажды... Вот и опять случилось то самое «однажды», ведь тайное всегда становится явным рано или поздно. В тот момент я не поняла, насколько роковым стал мой неожиданный визит домой в обеденное время, когда я решила заскочить всего на пару минут, чтобы сгрузить в холодильник купленные по случаю продукты. Тогда все доставалось по случаю и с большим трудом, поэтому сохранность добытого провианта была почти святой обязанностью. Но суть в том, что я оказалась дома, когда должна находиться на работе.

Дочь встретила меня на пороге в negligé. На ней были только трусики и тонюсенькая маечка на бретельках. Я спросила, еще ничего не подозревая:

– А почему ты в таком виде, ведь в квартире не жарко. Иди-ка ты оденься, – но она не уходила, встав в дверном проеме и заведя странный разговор ни о чем, как будто время тянула.

Я слушала ее пустую болтовню, снимая в прихожей сапожки и куртку, все больше насто-раживаясь. И моя обостренная интуиция не обманула: из спальни послышался шорох.

– Алиса, а там кто?

Она промолчала, а я, предчувствуя недоброе, фурией влетела в спальню. Там я увидела мою(!) разобранную постель и стоящего истуканом одетого, но смущенного мальчика чуть постарше моей дочери. Поняв все с первого взгляда, я вытолкала Алису вон из комнаты, закрыла за ней дверь, а сама начала отчитывать этого недоноска, который пытался переспать – или переспал?! – с глупой малолеткой. Уж не повторяется ли моя история с ранним замужеством? Мне только этого не хватало! Как я сдержалась и не пришибла его, до сих пор удивляюсь!

– Ты понимаешь, что сейчас я могу вызвать наряд милиции и написать заявление о со-вращении малолетней?! Ведь ей нет даже шестнадцати лет! Ты понимаешь это, ублюдок?! Я нажму на такие рычаги, что никакой папочка-адвокат тебе не поможет! Ты знаешь, что делают в тюрьме с развратниками? Или тебе, урод, разъяснить поподробнее?! – орала я как потерпевшая.

А, собственно, потерпевшей я и была. А потом не выдержала и, схватив его за лацканы отглаженного чистенького пиджачка, зашептала, чтобы дочь за дверью ничего не услышала:

– Так вот слушай сюда. Если я тебя еще хоть раз увижу с Алисой – заявление будет написано. А теперь – пошел вон!

В его глазах мелькнул неподдельный страх, и парень быстренько прошмыгнул мимо меня в дверь. Только его и видели! И он действительно пропал с Алискиного горизонта навсегда. Скорее всего, с его стороны никакой влюбленности и не было, только обыденная пацанская похоть, которую он и удовлетворял, пользуясь влюбленностью Алисы. Только как ей это объяснить?

Я видела заплаканные глаза дочери несколько дней, а потом вроде бы все утряслось. Собственно, вдаваться в подробности мне было некогда: работа на заводе и постоянное добывание продуктов, чтобы худо-бедно накормить семью, отоварив бумажки, называемые «талонами», отнимали все силы. Стояние в бесконечных очередях, где писался на руке шариковой ручкой порядковый номер, переключки каждые полчаса и изгнание неотметившихся, вплоть до серьезных потасовок с мордобитиями за место под солнцем. Вы, избалованные продуктовым изобилием, даже представить себе не можете, каково это!

Могла ли я подумать, что кошмар с Алискиной первой любовью только начинался.

Две недели спустя после неурочного прихода домой мне позвонили на работу:

– Вы Татьяна Васильевна Уварова? – задали вопрос официальным тоном, не предвещающим ничего хорошего.

– Да, я. А кто вы?

– Вас беспокоят из городской больницы. Вашу дочь, Алису Уварову, привезли по «скорой». Приезжайте к нам. Не забудьте с собой взять паспорт и свидетельство о рождении дочери.

Спросить: «Что случилось?» – не успела, потому что на том конце провода бросили трубку, а определителей номеров тогда не существовало, так что перезвонить не удалось.

Подхватилась и побежала через весь город. Даже не помню, как добралась до больницы. «Может, аппендицит? Или отравилась чем-то в школьной столовке?» – что еще я могла думать, пока неслась по сугробам через парк, поразмыслив, что ехать на общественном транспорте еще хуже: пока простоишь на автобусной остановке, пока доедешь – продрогнешь до костей. Ангина обеспечена!

Насторожилась я в ту минуту, когда мне сказали в окошке «Справочная», что Алису положили не в хирургию или инфекционку, а в терапевтическое отделение. Я ожидала чего угодно от экстренной госпитализации: отравления, переломов, сотрясения мозга, аппендицита, – но услышнное от лечащего врача, повергло в шок: дочь пыталась покончить с собой. Мне доходчиво объяснили, что ей уже сделали промывание желудка. К счастью, в кармане куртки обнаружилась обкладка фенозепама, поэтому врачи знали, с чем имеют дело.

Дура я, дура! Говорили же с телеэкранов: не оставляйте сильнодействующие лекарства где попало! Мне давным-давно выписывали фенозепам в период гормонального сбоя, когда выявили эндокринное заболевание. Я не могла контролировать свои эмоции и засыпла с трудом. Таблетки я решила не пить, потому что они вызывали сильную сонливость не только ночью, но и днем. Остатки валялись в коробке из-под обуви, вместе со всеми остальными лекарствами на всякий случай. Вот теперь этот случай я сама себе устроила.

«Стыд-то какой! Как я в глаза сослуживцев посмотрю?» – почему-то мелькнула первая мысль. В то время боялись любой нелюбезной огласки. Как там, у Грибоедова в «Горе от ума»: «Ах, боже мой! Что станет говорить княгиня Марья Алексевна?» Век сменился, а нравы остались те же.

В найденной обкладке в кармане Алисиной куртки не хватало восьми таблеток. А вовсе не двадцати пяти, как она написала позже в дневнике. Ее бы просто не откачали. Хорошо, что дочь не выпила больше, а испугавшись за свою жизнь, вышла на улицу. Холодея от ужаса, представляю себе ситуацию: я прихожу с работы, дочь спит, и я ее не бужу до утра... Да, Алису бы уже не спасли! Воображение у меня всегда было бурным.

Позже я прочитала скудную информацию, что смогла нарыть о суицидниках в доинтернетовский период и выяснила, что такой способ «ухода» выбирают не те, кто решает окончательно свести счеты с жизнью, а кто хочет припугнуть близких родственников и добиться чего-то от них таким экстравагантным способом.

Подробности инцидента я узнала от подруг дочери, созвонившись с ними позднее по телефону. Девочки рассказали, что после того, как Алиса под действием фенозепама вышла из дому, до школы она добрела на автопилоте: шла по заданному направлению, не соображая ничего. К счастью, дочь не осталась сидеть на заснеженной скамейке, а направилась на театральный школьный кружок, где в это время находились ее близкие знакомые. Там Алисе и стало окончательно плохо: она отключилась. Школьники, наверное, растерялись бы, не зная, что делать, но с ними в актовом зале занималась руководительница кружка – учительница литературы, которая и вызвала скорую помощь, поэтому дочь успели спасти.

А пока в больнице на все мои расспросы по поводу самочувствия Алисы лечащий врач разводил руками:

– Мужайтесь, мамочка, дочь вам придется самой выхаживать. У нас для этого персонала нет. А дальше – будем надеяться на сильный молодой организм.

Осталась на ночь в восьмиместной палате с дочерью, потому что Алисе меняли капельницы одна за другой. Рядом на кровати, к счастью, никого не оказалось. Даже спала я вполухавполглаза, часто вставала и наклонялась над ней при тусклом свете коридорных ночников и лунного свечения из окна, чтобы послушать, дышит ли дочь. Алиса спала, подложив под щеку кулачок, как в далеком детстве: тихо-тихо, как ангел, мирно посапывая. И чему-то улыбалась

во сне. Такого безмятежного выражения лица я давно не видела. Только ее кожа была неестественно-бледного оттенка.

Как я пережила ночь после Алискиного суицида, а потом еще несколько дней ожидания переломного момента с моим больным сердцем? Не знаю. Откуда черпались силы? Не знаю тоже. Тем страшнее было на следующий день, когда Алиса внезапно очнулась. Вдруг раз! И открыла глаза. Но это будто была не моя дочь, а ничего не соображающее растение, которое не говорило, а издавало лишь нечленораздельные звуки. Ее речь была бессвязной! Она не могла ответить даже на простейшие вопросы.

И ЗАБЫЛА СВОЕ ИМЯ!

А вдруг дочь останется такой навсегда?

Я на себе вытаскивала Алису в коридор, чтобы довести-донести до общего туалета, под сочувственные взгляды шести соседок по палате, и так же под их гробовое молчание водворяла ее обратно на непростиранное, драное больничное тряпье со старым вонючим тюфяком-матрацем и комковатой подушкой. Завхозами больницы растаскивалось все подчистую. Хорошо хоть никакими расспросами бабульки-соседки меня не донимали.

От врачей я узнала, что для нас с дочерью испытания не закончились, ведь налицо, как ни крути, попытка суицида. По закону Алису должны тут же поставить на учет в психдиспансер. В советское время сняться с такого учета было практически невозможно. И тогда – прощай институт, прощай нормальная работа, ведь при поступлении требуется справка, что ты не состоишь на учете психиатра. Что бы оставалось моей единственной дочери, моей кровиночке? Подъезды мыть? Не такой участи я хотела для нее.

Так уж повезло до этого момента, что мне ни перед кем не приходилось прогибаться, а сейчас пришлось унижаться перед врачами и психиатрами, атакующими меня и непутевую Алиску, кланяться им в ножки, давать взятки... То есть пройти все круги, чтобы дочь отпустили домой, а не положили в психушку, где плохая наследственность от папочки Лешки, не оставила бы Алисе никаких шансов. Там из нее попросту могли сделать овощ. В советское время психушку боялись, как огня. Страхи сами собой витали в воздухе. Но местные врачи строго-настроено наказали, чтобы в ближайшее время я глаз с Алисы не спускала, иначе попытка суицида может повториться. Наверняка повторится.

Я и сама это понимала. Взяла отпуск за свой счет и сидела с дочкой дома, отвлекая ее от дурных мыслей чтением книг вслух и прогулками по парку. Мы с Алисой пекли пироги, вязали шарфики, шили ей новое летнее платье... Даже в магазин я отправляла мужа, который перманентно существовал рядом, но мало проявлял внимания и заботы по отношению к нам обеим, а после выписки из больницы – вообще ушел в загул: приходил домой пьяный, дебоширил, хотя врачи запретили нервировать Алису. Любой инцидент мог вызвать срыв и новую попытку суицида с ее стороны. И тогда постанова на учет в психодиспансер – неизбежна.

Когда муж в очередной раз пришел пьяным, начал орать и громить все вокруг, я поймала себя на шальной мыслишке, что хочу его убить. Из-за ребенка, которому нельзя волноваться, я захотела убить мужа Алексея прямо сейчас, сию же минуту! И потом этих мыслей испугалась: ну, убью, а дальше что? В тюрьму? А с кем психически неуравновешенная дочь останется?

И я приняла решение, которое назревало несколько последних лет: развестись с мужем немедленно, а на сегодняшний момент – убрать его из нашей с дочерью жизни насовсем, точнее – выгнать из квартиры к его родителям. Пусть сами с ним мучаются.

Так я и сделала.

Глава 2

Не учите меня жить!

С первого класса я понимала, что Алису нельзя оставлять одну дома надолго. Чтобы дурные мысли не лезли в ее пустую голову, я постоянно пыталась пристроить дочь к каким-нибудь занятиям. Сначала это была музыкальная школа. Недешевое удовольствие, между прочим. Никаких теперешних бюджетных отделений. Тогда это удовольствие стоило двадцать пять рублей в месяц, что соответствовало по тем ценам на продукты, например, восьми килограммам ворованной с мясокомбината свиной вырезки по три рубля за кило.

Почему ворованной? Потому что другой в магазинах не было. Там можно было приобрести после многочасового стояния в очереди синюшного цыпленка с душком или колбасу, выгибающуюся на сковороде немыслимым зигзагом, если ее пытались жарить, потому что состояла она в основном из туалетной бумаги и красителя, ведь мясо, которое должно в ней находиться по ГОСТу, выносили через проходную на продажу, а цельное молоко, предназначенное для производства колбасы, выливали по требованию бригадира в канализацию, заменяя на воду из-под крана, чтобы продукт дольше хранился. А зачем его долго хранить, спрашивается, если все сметалось с прилавков магазинов влет?

Ну да, ладно, хватит об ужасах советской эпохи. Вспомним про Алису. Дочь, обучаясь в музыкальной школе, не справлялась с сольфеджио, как и большинство детей. Заподозрив прогулы, я решила проследить за ней, как в заправском детективе: довела Алису до двери класса, сделала вид, что ухожу, а сама притаилась в конце узкого коридора. То, что я увидела, меня не удивило: вместо урока дочь направилась в холл, где стоял телевизор, и стала смотреть мультфильм. Я поняла, что плачу немалые деньги зря. Музыкалку пришлось бросить в четвертом классе.

Дальше я пристроила дочь в театральные кружок, но театр закончился сразу после ее попытки суицида. Неадекватную девочку учительница литературы видеть у себя не захотела. Зачем ей чужие проблемы? Только после моих долгих уговоров и подарков руководитель кружка давала малюсенькие роли даже не второго, а третьего плана, в массовках, что мою дочь, конечно же, не устраивало: она себя мнила главной героиней и не меньше. Алиса охладела и к театру. Дальше был танцевальный клуб современного танца «Атлантида». Это – последняя моя попытка заинтересовать дочь чем-нибудь дельным, за исключением, пожалуй, рисования, которому дочь уделяла куда больше внимания, чем всему остальному, включая учебу. Но и живопись как таковая ее не привлекала, то есть – постоянно заниматься в изостудии она не хотела.

В тот год я недостаточно уделяла времени дочери, потому что, уйдя от прежнего мужа, занималась поисками следующего. Нет, не так! Не просто мужа. Я хотела найти настоящую любовь в том виде, в котором насочиняла ее себе еще со времен подросткового максимализма, ведь особенной любви в моей жизни не случилось. Видимо, книг начиталась, где об этом чувстве писали возвышенно и красиво. А я в первом браке позволяла себя любить бывшему мужу, и не более того.

Полгода прошло, как я выгнала Алексея к его родителям и ничуть не жалела о содеянном, хотя моя мама очень хотела нас помирить. Я же вовсе не желала мириться, ведь сравнительно недавно перестала бояться приходить домой, чтобы в очередной раз столкнуться с мужниной пьяной рожей и услышать оскорбления в свой адрес.

Много лет спустя я поняла, что с его стороны это была банальная, выжигающая все внутренности, ревность, которую он глушил водкой. Я ведь не просто красивая, а очень красивая

женщина, доставшаяся ему по случаю. Ни при каких иных обстоятельствах, кроме залета, я не стала бы его рассматривать даже кандидатом в мужья. Он это знал.

А сейчас мы относительно мирно сосуществовали вдвоем с дочерью на волнах перестройки. Трудные были времена – не скрою! Нас, работников оборонного завода, все время грозили отправить в отпуск без содержания. На что же тогда существовать? Инженеры никому не были нужны. Не на рынок же идти торговать!

Алиса успокоилась, может быть – даже чересчур успокоилась, что тоже настораживало. Суицида больше не последовало, как я опасалась. И то – хорошо! Как раз моя обожаемая кузина переквалифицировалась из обычного штатного инженера в психологиню, то есть – в специалиста по психологии. Когда мы с сестрой пересекались внутри ее плотного графика, она вздох рассказывала о новом поприще: то обучалась сама, то проводила какие-то тренинги – платные, между прочим! – и постоянно пыталась вовлечь меня во всю эту белиберду. Я же относилась к затеям кузины чуть предвзято, поскольку считала – помочь себе в преодолении психологических трудностей смогу только сама.

Может быть, я и поучаствовала бы в этом безобразии, как оперившийся и вставший на крыло в перестроечное время новый человеческий подвид – жены-домохозяйки-бездельницы при богатых мужьях. Когда денег – лопатой гребь, а заняться, кроме домашних хлопот и воспитания отпрысков, вроде бы и нечем. Да и те обязанности при желании можно переложить на прислугу и няню.

Но модельным ростом под сто восемьдесят сантиметров я не обладала, как и блондинистыми волосенками вкупе с безразмерным бюстом, как не могла при всем желании изобразить взгляд без единой мысли. А все перечисленное – непрменный атрибут новой русской жены, пришедшей на смену нормальной любящей супруге. У таких, с позволения сказать, фотомоделек рождалось соответственное потомство, не отличающееся умственными способностями – будущие мажорики, наводнившие не только обе российские столицы, но и ряд европейских и американских государств. **Только несколько лет спустя английские ученые провели фундаментальное исследование, доказав, что ребенок значительно чаще берет здоровье от папы, а ум – от мамы, после чего среди богачей настала мода на умных жен.**

В год, когда дочери исполнилось шестнадцать, у меня не было ни богатого мужа (никакого не было!), ни лишних денег, чтобы изгаляться над собой. Но Алисина чрезмерная замкнутость на грани депрессии не давала покоя. Подросток должен быть раскован в общении со сверстниками. И более коммуникабелен, что ли. Это мое глубокое убеждение. А у дочери наметился серьезный напруг с подругами. Тут, наслушавшись восторженных воплей кузины, я поддалась на провокацию и отправила Алису на вроде бы невинный танцевальный психологический тренинг.

Нельзя! Ни в коем случае нельзя ставить подобные эксперименты над собственным ребенком, отдавая его понахватавшимся по верхам психологиням! Но как не попробовать новомодные штучки? А ведь меня предупреждали, что танцевальный тренинг можно проводить только после восемнадцати лет. Какое там. Это же модно! И круто!

В первый месяц летних каникул после девятого класса я стала возить дочь в отдаленный микрорайон Москвы, где с ней занимались вполне адекватные девицы-танцовщицы. Я сама приехала на первое занятие пораньше, чтобы посмотреть на них, поговорить... И поверила в хороший исход! Но каждый раз, когда забирала Алису после занятий – что-то было не так. Дочь крепко засыпала в метро, а когда я ее будила на конечной остановке, чтобы пересест в электричку, – долго не могла прийти в себя, дико вращая глазами вокруг, как тогда, в больнице, после суицида. Дома она спала потом до утра, как убитая. Меня охватило недоброе предчувствие, но осталось всего-то два занятия. Да и деньги немалые уплачены.

Вот я дура! Деньги пожалела! А дочь?..

Или это отголоски Алискиной наследственной шизофрении?

Тем не менее, тренинг подошел к концу, и, на мой взгляд, возымел должное действие: дочь стала гораздо легче сходитья со сверстниками, и еще – стала раскованна в танце. Нет! Не зря я деньги назанимала!

В июле я отпустила Алису в турбазу с моими родителями, то есть – с ее бабушкой и дедушкой, как часто делала и раньше. Я с ними поехать не смогла, потому что перешла на новую работу, где отпуск так рано не полагался. Ничего предосудительного в том, чтобы отправить Алису на природу, я не видела. Что ей сидеть в душном городе во время летних каникул?

В шестнадцать лет турбаза на реке Оке казалась сказочно-романтическим местом. Особенно – когда наконец-то потерял постоянный и неусыпный контроль надо мной мамы. И когда каждый первый отдыхающий парень обращал на меня внимание. Заметьте, не каждый второй, а каждый первый! Ощущаешь себя принцессой – не меньше! И хотя мама твердила о моей неотразимости всегда, почему-то я в этом сомневалась.

А кто нужен юной, но, к сожалению, – провинциальной и чуть – самую малость! – закомплексованной принцессе, как ни соответствующая свита и... А может, не закомплексованной, а заколдованной? Кто же меня расколдует, как не настоящий принц?

Я ждала этого постоянно. И вот настал день, когда ко мне подошел знакомиться тот самый принц, который мне пригрезился в моих незамутненных девичьих мечтах. Я помню этот незабываемый день по минутам, потому что сразу поняла – его-то я и ждала! Звали его просто – Вова. Так он представился. Скорее всего, он обратил внимание на мои русые густые волосы по пояс (я точно знаю – таких ни у кого нет!) и костюмчик «от Версаке» (настоящий, между прочим, не дешевая китайская подделка, а подарок моей богатой тетки). Тут же выяснилось, что новый знакомец – москвич, в отличие от других молодых людей, которые буквально атаковали меня своими незамысловатыми знаками внимания последнюю неделю. Слово «москвич» звучало в его устах, как «королевич Елисей».

То, что он со своими двумя друзьями курил травку, ничуть меня не смутило. Я этого и не поняла тогда, потому что оставалась наивным домашним ребенком, которого мама оберегала буквально от всего, и который даже не подозревал, что на свете существует такая дрянь – наркотики. Тогда я подумала, что парни курят какие-то необыкновенные папиросы с запахом.

Наступил вечер. Я уже собиралась идти в сторону дома, где меня ждала бабуля, но тут Вова предложил выпить чашечку кофе. Меня бы насторожило такое предложение, если бы оно делалось тет-а-тет, но мы были не одни, а в веселой компании, причем одну из девчонок я хорошо знала: она училась в параллельном классе. Мы все пошли к парням в домик пить кофе. Смеялись, о чем-то говорили. Я спокойно отпила два глотка из жестяной кружки, удивилась странному привкусу и спросила:

– А почему он такой соленый?

– Да неужели? – переспросил Вова, невинно приподняв брови. – Наверное, с сахаром в чашку случайно попала соль. А разве тебе такой кофе не нравится?

Я была девочка воспитанная, постеснялась сказать, что не нравится, и выпила все содержимое под одобрительные взгляды москвичей.

(Только много времени спустя я узнала, что мне подмешали оксибутират. Препарат – вызывающий легкое помутнение рассудка. Вот

вам и принц! Черт бы его побрал! Вова попросту захотел по-легкому воспользоваться моим телом, не прибегая к донжуанским расшаркиваниям. Зачем утруждать, если можно просто вырубить девчонку?)

Что было потом? Помню смутно. Только никого уже в комнате не было, кроме меня и Вовы. Мозги отъехали конкретно. Вдруг стало нестерпимо жарко, и я стаскивала с себя одежду... Сама! Потом – провал. Очнулась... Вокруг все плыло, как в тумане... Помню себя в одном лифчике и большие – ничего! Как дешевая шлюха! Обрывки сознания выхватывают Вову на мне...

А потом... Помню, как сердце готово было выпрыгнуть из груди и тут же – останавливалось... Помню смутно, как меня непрерывно тошнило... и Вова бежал со мной на руках к умывальнику, который находился на улице, чтобы умыть меня ледяной водой и привести в чувство... Помню, как задыхалась... Очень сильно... Казалось, что я мучительно умираю... Вот уж «принц» перетрусил, я думаю, поэтому и удерживал в этой треклятой комнатенке почти до утра. Он пересрал! А если бы я умерла без медицинской помощи?! Он бы просто меня закопал недалеко в лесочке, которые вокруг турбазы нескончаемы.

Потом, не помню во сколько, он привел меня к домику, где на веранде сидела моя любимая бабушка Оля. Увидев меня, еле державшуюся на ногах, она сказала:

– Алиса, ты дрянь!

Ну да, взрослым всегда легче обвинить тебя, нежели разбираться, как ты вообще осталась жива. Но удивительнее всего было то, что Вова повторил за ней:

– Алиса, ты дрянь!

А мне почему-то не было даже обидно. В меня как будто чертик вселился с этого момента. И я влюбилась в Вову, в эту мразь, пахнущую дорогими духами, одетую в черные фирменные джинсы и кипельно-белую рубашечку. Зачем мне что-то было подмешивать, чтобы я чуть коньки не отбросила, если я была готова сделать все сама без принуждения, так он был хорош собой. Принц на белом коне! Не меньше! Я приняла все за настоящую любовь... И это было страшно!

1996 год

(Из дневника Алисы)

Как ни ужасно звучит рядом с безумными откровениями дочери, я весь прошедший год продолжала поиски того единственного мужчины, который мне предназначен судьбой. Да, вот так высокопарно! И никак иначе! Судя по дневниковым записям, Алиса унаследовала от меня наивную тягу к сказочным, несуществующим в реальной жизни, персонажам. Я же понимала, что привести в дом лишь бы кого при взрослой дочери нельзя. А вдруг мой будущий муж к ней начнет приставать? Примеров – масса.

Напомню, что я – красивая женщина, поэтому поклонники постоянно увивались вокруг, но ни одного достойного не наблюдалось. Женатики меня мало интересовали. Выдирать из семей я никого не собиралась, но других кандидатур на горизонте не было, потому что, как говорилось выше, в раннеперестроечную моду вошли фотомodelьки. О ком обычно вспоминаешь в первую очередь, когда хочешь заполнить образовавшуюся рядом пустоту? Свято место пусто не бывает, не так ли гласит народная мудрость? Конечно же, вспомнишь о школьных влюбленностях или привязанностях.

Практически сразу, как только я осталась одна, рядом со мной нарисовался Сашка-Грек, которого в школе я всегда воспринимала, как друга, очень близкого друга, но – не больше.

Кстати, кличку Грек ему придумала я из-за накачанных бицепсов, греческого профиля и его увлеченности греко-римской борьбой, которая пришлась на время моего прочтения «Мифов Древней Греции». Короче, все срослось для того, чтобы назвать Сашку Греком.

– Грек, пожалуйста, принеси мой портфель из раздевалки, я там его забыла... Грек, стрельни сигаретку... Грек, а вон тот парниша неправильно на меня посмотрел...

И так далее... Дружок-одноклассник, в общем. Он называл меня тогда вполне по-домашнему, как родную сестричку – Татка. Интимно не было. Берегла я свою девичью честь до окончания школы, как и большинство моих сверстниц: до сексуальной революции было далеко.

Сашку-Грека забрали в армию сразу после школы. Шел 1979 год. Всем нашим мальчишкам крупно не повезло: они попали напрямик в Афганистан. Нашему потоку повезло меньше всех последующих, служивших исключительно по контрактам, а мои бывшие одноклассники стали первым пушечным мясом, которое бросили в прорыв, в военный конфликт, в топку. К счастью, Грек остался в живых. Он вообще слыл везунчиком. Через полгода бойни с душманами Саша как-то сумел выкрутиться, написав заявление о поступлении в военное училище, после окончания которого, его направили прямехонько в Европу. Тогда это было очень круто!

Но переменчивая госпожа-удача неожиданно отвернулась от моего друга. К нашей с ним послешкольной встрече спустя пятнадцать лет, он похоронил свою жену-красавицу, отправил двоих дочерей по бабушкам-дедушкам, а сам находился в несколько удрученном состоянии.

Горевал мужик... Хоть и не сильно, потому что баб вокруг крутилось немерено, ведь мой школьный дружок оказался при деньгах: бывшим афганцам вышли большие послабления и налоговые льготы тем, кто решил заняться бизнесом. Видимо, жалость к нему я и восприняла на первых порах за любовь.

К нашей встрече Сашка-Грек уволился из армии подчистую и плотно занялся риэлторской деятельностью. И неплохо начал, я вам скажу! Он с армейскими дружками развернул бурную деятельность по расселению московских коммуналок – сверхприбыльное дело! Особенно если сделки проходили не совсем законно. Еще прибыльнее, если за дело брались черные риэлторы, а бывшим афганцам ничего не стоило разобрататься с неугодными владельцами квартир. Убивать – наука не хитрая. «Главное – нАчать!» – как говорил Горбачев, последний генсек СССР, с ударением на первый слог. А что еще умели бывшие афганцы, кроме как – убивать? Искореженные жизни, искореженные судьбы...

У одной моей сослуживицы, пришел любимый сынок из Афгана... Так уж она радовалась, сердешная! Свадьбу сыграли с невестой, которая его из армии два года ждала, дочка родилась... Ничего не предвещало трагедии, когда бывший афганец повесился в ванной... Не вписался в гражданскую жизнь.

Но я ничего о черном риэлторстве Грека не знала. Даже не догадывалась! Только значительно позже нашего расставания вычитала в Интернете об уголовном деле, заведенном на их риэлторскую контору, о суде и вынесенном приговоре... А сейчас... Сейчас Сашка-Грек, при всех своих внешних закидонах, относился ко мне достаточно серьезно, чтобы я его впустила в нашу с Алисой жизнь, а значит – в свою квартиру тоже.

В турбазу с моими родителями мы с Греком собирали Алису вместе. Честно сказать, хотелось хоть недельку побыть вдвоем, не заботясь, чтобы наши ночные кувыркания не были слышны взрослой дочери. Хотелось расслабиться.

Расслабились! Через пять дней нам Алиску привезли обратно, швырнув в лицо:

– Забирайте свою шлюху!

И это было сказано с таким презрением! Да еще в присутствии моего гражданского мужа Сашки! Со стыда сгореть! А ведь я, если честно, с ужасом ожидала этого уже давно, с момента, как увидела свою дочь в бюстгальтере на улице в тринадцать лет. Я боялась этого. Не меня ли поучали, что мысли, особенно негативные, могут материализоваться. И – вот оно, началось!

Но страшное-то началось на следующий день после ее приезда: я собственную дочь не узнавала. Как будто в турбазу отправила своего ребенка, а получила обратно невесть кого: не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку. Мои мозги отказывались это понимать. Я пыталась выяснить, что же там произошло у дочери – может, изнасилование?! – но она замкнулась в своем непробиваемом панцире. Я не могла до нее достучаться!

Но я же не знала, что Алиса оказалась под воздействием наркотиков! И это было самое настоящее изнасилование! А как еще можно назвать противоправные действия, когда девушку вынуждают заниматься тем, что она бы не сделала добровольно?

Наркотики!!! Я даже в самом жутком сне не могла такое представить!

Июль прошел в полубреду. Алиса все время куда-то рвалась из дома. Мне приходилось ее запирасть на ключ, убирая домашний телефон, установленный год назад. Лучше бы его не было вовсе. Дочери постоянно названивал какой-то парень, представлявшийся Вовой. Вот ведь наглец! После его звонков Алиска сходила с ума в прямом и переносном смысле слова. Я боялась следующего суицидного витка, ее шага в окно, ведь жили мы на последнем этаже. К счастью, мобильных еще не существовало. Как теперь справляются с детьми-наркоманами их несчастные родители?!

Я так была поглощена переживаниями за дочь, что не заметила резких перемен, произошедших с моим Сашкой-Греком: он осунулся, почернел лицом, стал нервным, дерганым. Только однажды он обмолвился, что нажил смертельных врагов два года назад, в 1994-м, когда ему с друзьями пришлось отбивать свои капиталы у проходимца-афериста Мавроди, подключив к разборкам друзей-афганцев. Для тех, кто не в курсе, сообщу, что был такой деятель в перестройку, который выпускал свои акции, дорожающие с каждым днем в геометрической прогрессии. Желających обогатиться в короткие сроки было много. Прокрутив однажды скромные сбережения в этой конторе, неискушенные россияне ошалевали от мнимых возможностей Мавроди и вкладывали в его пирамиду все, продавая машины, квартиры и дачи. Даже эстрадные звезды и высокие чиновники не могли устоять от соблазна, хотя с каждым днем становилось ясно, что крах ничем не подтвержденных бумаг неминуем.

В событиях 1994 года Сашка-Грек принял непосредственное участие. Кто-то из людей Грека, внедренных в структуру Мавроди, перед самым приездом СОБРа на улицу Варшавка, где располагался центральный офис, шепнул ему и компаньонам, вложившим в эту аферу умопомрачительные суммы, о готовящейся налоговой проверке, и ребятки с вооруженными друзьями-афганцами прибыли на место перед открытием. Но впереди оказалась огромная толпа простых граждан, также жаждущих забрать свои денежки с процентами и карауливших с ночи. Слухами Земля полнится!

И тогда Грек с друзьями дали команду «фас» своим вооруженным людям, которые прокладывали дорогу к вождьленному входу прикладами автоматов. Сашка с гордостью рассказывал, что удалось взять сумму, причитающуюся им по бумагам, до последней копейки, оставив всех за дверью с носом... На улицу они вышли с обратной стороны здания, помог все тот же внедренный сотрудник. Тогда везунчику Греку и его друзьям подфартило! Может – в последний раз. Но ничего не дается просто так. Через полгода у него скоростно скончалась любимая жена.

А потом на них стали наезжать, пытаясь отнять тот заработанный не вполне честно капитал. Сначала никто из Сашкиных друзей не придавал этому должного значения, но угрозы сыпались то справа, то слева...

Сейчас шел 1996 год. В конце июля Сашка-Грек и спал с лица, хотя, казалось бы, и не в таких передрыгах побывал. Стало ясно, что с ним происходит нечто непонятное. Честно сказать, и поговорить-то мне с ним было некогда, потому что постоянно пасла Алису. А потом Грек вдруг предложил нам с дочерью пожить в санатории на берегу озера. Это мне было как

раз на руку. Хоть Алиса и сопротивлялась, но я даже позвонить ей не дала, сказав, что мы едем в гости всего лишь на три дня. Загрузились в Сашкин джип, и резко стартанули в сторону Питера.

Алиска, конечно же, взбесилась, узнав, что мы остаемся на весь месяц, но санаторий оказался в довольно безлюдном месте вдали от трасс, так что сбежать бы ей не удалось. А потом она втянулась в режим дня. А тут было чем заняться! Саша умел заполнить собой пространство так, что скучать нам не приходилось. Мы жили в люксе с двумя спальнями и просторным холлом. Втроем ходили на массаж, в бассейн, в сауну, плавали по озеру на лодке, несколько раз были и в боулинге. По вечерам Саша учил нас с Алисой игре на бильярде. Мне вообще нравилось, как он ведет себя с моей дочерью: ничего кроме отцовской опеки, хотя раньше, зная, какой Сашка бабник, я опасалась, что он с меня легко переключится на дочь.

Я не придавала значения, что три путевки в санаторий приобретались по моему паспорту и на мою фамилию, но, присмотревшись внимательно, стала замечать и нервозность, и деланную веселость Сашки-Грека. Наступили последние безмятежные деньки.

А потом я увидела в его спортивной сумке, которую он ставил почему-то не в шкаф, а к прикроватной тумбочке со своей стороны, настоящий пистолет. Честно-честно! Настоящий! Я и в руки его не решилась взять... А вдруг выстрелит?! Всегда боялась оружия. Даже на уроках по гражданской обороне – обязательном предмете в советской школе, – старалась отлынить от сборки-разборки автомата.

Но потом мои мысли переключились на другой аспект: «А вдруг безбашенная дочура Алиска найдет пистолет и возьмет, чтобы перед местными парнями, с которыми она подружилась, похвастать?!» С нее станется!

Еле дождавшись вечера, когда дочь уйдет в свою комнату спать, я решила с Греком поговорить:

– Саш, скажи мне, пожалуйста, что происходит?

– А что?

– Я увидела в твоей сумке пистолет...

– А почему ты рылась в моих вещах?! – взвился неожиданно Грек. Он раньше никогда не позволял со мной подобного тона. Но все когда-нибудь происходит в первый раз. От неожиданности я отшатнулась к стене, не в силах вымолвить и слово... Только от обиды слезы брызнули из глаз. Увидев мою реакцию, он перемахнул через кровать, обнял, зашептал на ушко:

– Татка, девочка моя, прости-прости... Я испугал тебя? Прости! Слышишь? Неприятности у меня большие. Не хотел я тебя с Алисой впутывать...

– Но ты уже впутал!

– Мне обещали через пару недель все уладить, так что к первому сентября вернемся в город.

– Саш, а что случилось-то?

– Не собирался тебе говорить, но нужно, чтобы ты тоже была настороже. Наехали на нас серьезно: бизнес отжимают. Представляешь, у одного моего компаньона джип отняли прямо в центре Москвы, на Кутузовском проспекте? Просто резко сели в машину на перекрестке перед светофором с двух сторон и выкинули его самого на проезжую часть. У нас же офис на Кутузовском, вот и выследили. Хорошо хоть в живых оставили! Зато у другого компаньона родную сестру убили: сбросили на ходу из электрички...

– И ты молчал?! Как же нам с Алисой дальше жить?

– Говорю тебе – все уладится. Обычный передел собственности. Такое случалось не раз, но уж больно сейчас наглые попались, беспредельщики. Мы к своим браткам обратились, которые нас крышуют, чтобы перетерли с захватчиками...

– Да, зря я тебя спросила. Лучше бы мне этого всего не знать.

– Боишься?

– Конечно, боюсь... Теперь вообще спать не буду. А ты не мог бы пистолет в сейф класть, который в шкафу?

– Нет. Мне нужно, чтобы оружие было под рукой.

Так и закончился наш странный разговор, из которого я поняла, что спокойной жизни с Сашкой-Греком, о которой мечталось, не получится. Хотя о какой спокойной жизни с любимым человеком я мечтала, если из-за Алисы у меня земля под ногами горела? А тут – из огня да в полымя. И заодно – стало понятно нежелание Грека приобщить меня к риэлторскому бизнесу, хотя подобные разговоры я начинала не раз. Он берег меня!

Через неделю мы вернулись в город.

Ну, вот и оно – первое сентября. В санатории Алиса нам показывала полное послушание, а что будет, когда я опять выйду на работу? Сдается мне – Алискины похождения просто так не закончатся! Не могу же я запираить ее дома, как на каникулах, ведь Алисе нужно ходить в школу. За ручку водить на занятия и обратно бесполезно, так как остальное время она все равно предоставлена сама себе. Не сидеть же с ней за одной партой, пристегнув к себе наручниками!

Я пропадала целый день на работе. Что творилось с дочерью в мое отсутствие?

Я перешла в одиннадцатый класс. Если бы я нормально общалась с матерью и не боялась, что меня снова обзовут шлюхой, я бы рассказала о летнем происшествии, и Вову бы посадили. Но отношения у нас в семье были всегда напряженными...

Как только мы вернулись из санатория, куда меня увезла мать со своим гражданским мужем Греком чуть ли не насильно, я продолжила встречи с Вовой. Какую паиньку я им изобразила на отдыхе. Сама себе была противна! Нате теперь! Получите!

Не было ни одного дня, чтобы я не думала о Вове, не мечтала о встрече с ним. У меня случилась жуткая депрессия, на грани суицида. Я не понимала смысла своего существования. Мне стало неинтересно учиться, меня не трогали отношения с окружающими людьми.

Я замкнулась в себе, но при этом – искала отдушину в тусовках, научилась курить, думая, что сигареты «успокаивают душу», как говорили мои типа продвинутые одноклассницы, сдружилась с самой отвязной телкой в классе – новенькой Викой, которая с легкостью рассказывала похабные анекдоты, круто играла на гитаре и пела жалостные тюремные песни с папироской во рту. Откуда она этого понахваталась? Видимо, от собственной мамы – бывшей зечки, которая находила с местными братками общий язык, поэтому могла себе позволить заниматься любым бизнесом. Да-да! Викуша была более чем уверена в себе.

Мне всегда хотелось иметь рядом старшую сестру, или хотя бы – сильную подругу. Только маленькие глупенькие девочки, не имеющие жизненного опыта, не могут отличить человека от недочеловека. О том, кто ее мамаши и почему Вика учится в нашем классе, я узнала намного позже. Очень низкий голос, излишне пышный бюст делали ее взрослее меня и остальных одноклассниц. Эта взрослость меня и привлекла. Вика, конечно же, была уже не девочкой, а взрослой мадам, хабалистого вида. Ее мозг напрягался только тогда, когда можно на чем-то заработать бабло.

Парни из театрального кружка, куда мы изредка забредали вдвоем с Викой, замирали, когда она брала в руки гитару и исполняла очень популярную песню рок-группы «ДДТ»:

*А не спеть ли мне песню о любви,
А не выдумать ли новый жанр...*

Вика была очень похожа внешне на свою мамашу – бизнес-вумен: зеленые глазищи, обрамленные темными густыми ресницами, и светлые волосы. Недостаток тоже имелся – короткие кривые ножки, но его уравновешивал бюст четвертого размера, на который все парни и пялились. А описание можно закончить странным выражением лица, в котором не читалось ни страха, ни жалости, ни грусти, ни злости, ни глупой похоти, хотя была бл. дь бл. дью. Вероятно, это взгляд будущей идеальной авантюристки, а может и преступницы. Глаза светились каким-то жутким блеском одинокой волчицы. В нашем случае – одинокая козочка (это – я) и одинокая волчица (это – Вичка) нашли друг друга. Сама наивность и сама нахальность притянулись мгновенно.

В ту осень одиннадцатого класса мы поехали в московский «Малый театр» смотреть программную пьесу «Вишневый сад». С самого начала спектакля я абсолютно ничего не понимала:

– Что я тут делаю? О чем говорят люди на сцене?

Я даже не пыталась вникнуть в этот бред. Хотелось встать и крикнуть:

– Люди! Мы в Москве! Это же круто! А вы сидите в этом скучном месте с умными лицами и делаете вид, что вам это интересно, и что это самый лучший спектакль в мире! А главный спектакль там – за пределами театра!

После антракта я, не думая о последствиях, не выдержала и вышла погулять по центру Москвы. Самое удивительное: не нашлось ни единого человека из тех, с кем я приехала в театр, который бы спросил:

– А куда это ты направилась? – поэтому у меня не возникло никаких угрызений совести.

Когда я шла по Лубянке в неизвестность, меня окликнул элегантный мужчина на BMW. Это был привлекательный харизматичный мэн с карими глазами, как потом выяснилось – тридцати семи лет от роду, представившийся Аркадием. И тогда я подумала: «Может, он мне даст то, что не дал Вова, тем более, что этот много старше, значит должен быть более ответственен и мудр». Из разговора выяснилось, что у него есть собственный ресторан в центре Москвы.

1996 год

(Из дневника Алисы)

Сентябрь и октябрь пролетели, как один день. Все, чего я так опасалась в отношении Алисы, вроде бы прошло. Она стала дружить с новенькой девочкой из их класса – Викой, хотя та мне категорически не понравилась сразу: уж слишком прожженный взгляд опытной шлюхи. Я пыталась воспрепятствовать их общению с дочерью, но – ничего не вышло. Алиска в слезах и соплях защищала новую подругу.

– Мама, со мной в классе никто не дружит! Только Вика! Ты хочешь, чтобы у меня совсем не было подруг? Ты этого хочешь?!

Они стали вдвоем ходить на так раньше не нравившийся Алисе театральный кружок, и моя бдительность притупилась.

В ноябре дочь с классом поехала в московский театр. Если бы я знала, что они едут не со своим классным руководителем, а с обычным учителем литературы – ни за что бы не отпустила! Ведь их классная училка – бой баба! Если ученик из Алискиного класса пропускал урок

– об этом сразу же становилось известно его родителям, которым Анна Петровна перезванивала вечером:

– А почему вашего сына (или дочери) не было сегодня в школе?

Ближе к ночи выяснилось, что из Москвы Алиса не вернулась вместе с другими учениками. Причем – никто даже не чухнулся! Уроды! Хоть бы мне перезвонили! Так, мол, и так, ваша дочь потерялась. А мне пришлось обзвонить полшколы в двенадцать часов ночи, так что теперь все в курсе Алискиного загула.

Конечно, я не спала всю ночь. Конечно, рыдала от безысходности, хватаясь то и дело за корвалол. Сашка-Грек успокаивал, как мог. Но заявление о пропаже ребенка принимают только на трети – трети! – сутки, как мне сказали в дежурной части, куда я позвонила часа в четыре ночи.

– Ждите дома, мамаша! Сама найдется. Вот увидите. Тем более, что ночью электрички из Москвы не ходят. У нас таких потеряшек – по десятку каждый день. Вернее – ночь. Ничего! Есть захочет – придет, – «успокоила» доблестная милиция.

Под утро Алиса появилась. Видимо, действительно приехала с первой электричкой. Я ее чуть не прибила на месте, надавав пощечин от души. Вот так всегда: не троньте моего ребенка – сама прибью. Но меня тоже можно понять: то, что я пережила в эту ночь не подходило ни под какие описания. Хотя это было только начало...

Теперь загулы дочери стали нормой жизни. Это в последнем классе общеобразовательной школы, когда пишут характеристику для поступления в вуз! Кошмар наяву! Смириться с этим положением вещей я не могла! А еще приходилось скрывать все от друзей, соседей, от собственных родителей, для которых подобный позор был бы невыносим. Ведь Алиса не представляет, что с ней могут делать озверевшие пьяные мужики. Или уже представляет?

Аркадий мне очень нравился. В постели он научил меня всему, что в жизни мне не раз пригодилось. Мы проводили много времени у него в ресторане или на квартире его друга Николая. В один прекрасный момент я имела счастье познакомиться ближе и с этим другом Аркадия, который оказался полковником МВД Москвы.

Однажды мы сидели вчетвером: я, Аркадий, Николай, четвертой была любовница полковника Юля – лейтенант милиции, не блистающая красотой, но темпераментная черноокая брюнетка. Несмотря на свои двадцать два года, она обладала жестким характером. А других в милиции и не держат. Туда вообще идет только соответствующий контингент. По-моему они с полковником друг друга стоили.

Потом мой Аркадий с Юлей неожиданно куда-то исчезли. Сговорились что ли? А престарелый уродливый полковник Николай начал на меня набрасываться. Это было противно, потому что у него толстый живот и отвратительная морда. Оттолкнув его, я выскочила на балкон шестнадцатого этажа и прокричала:

– Не смей ко мне приближаться! Подойдешь ближе – выпрыгну!

– Убирайся из моей квартиры! – взревел отвергнутый полковник. Я не заставила себя упрашивать, подхватила курточку, на ходу надевая сапожки. Даже не застегнула как следует, чтобы хозяин квартиры не передумал.

Было два часа ночи, метро не работало, а я уверенно вышагивала по улице неизвестно куда, почему-то не боясь, что со мной может что-нибудь случиться. Но ушла недалеко. Буквально через двести метров от подъезда Николай подкатил ко мне на своем шестисотом черном мерсе и предложил вернуться обратно при условии, что он до меня не дотронется. Скорее всего,

он подумал, что со мной может случиться что-то страшное, и ему за это придется отвечать.

Мы вернулись в квартиру. Он закрыл дверь снаружи на ключ, и я осталась одна. Изнутри открыть замок было невозможно. Забавно. От нечего делать я стала внимательно осматривать квартиру и заметила видеокамеру в углу спальни, направленную на кровать. Правда, сейчас она была выключена. Обшаривая каждый угол, я заглянула в огромный встроенный шкаф и обнаружила там кучу видеокассет. На каждой коробке было написано женское имя. Компру, что ли, жушара готовил? Но заинтересовала меня лишь надпись «воровка». Я вставила ее в видеомагнитофон и начала смотреть.

Сначала было неинтересно, нудно, но потом я поняла суть записи. Дело происходит здесь, в этой квартире, где гуляла компания из четырех человек, двое из которых мне хорошо знакомы: Аркадий и полковник Николай. А с ними две проститутки. Рыжеволосая разбитная девица, улучив момент, когда осталась в комнате одна, взяла из чьих-то брюк деньги и засунула себе в лифчик, а потом сказала вошедшим в дверь мужикам, что ей срочно надо домой. Но Николай уложил ее на кровать и стал лапать за грудь. Естественно, он обнаружил спрятанные деньги и с удивлением спросил:

– Откуда?

– Это мои, – попыталась выкрутиться воровка.

Но выяснилось, что деньги – Аркадия. Он узнал купюры, потому что на одной из них был ручкой поставлен крестик. Потом они запугали рыжую, изнасиловали вдвоем и отправили домой, не оплатив сексуслуги. Все это записано на видеокассету, вплоть до изнасилования. Зачем компромат на самих себя хранить, да еще меня запирает в квартире с этим компроматом? Осталось для меня неразрешимой загадкой. Или Николай думал, что я буду сидеть паинькой, не трогая ничего? Или забыл камеру включить, чтобы за мной проследить?

Именно в тот момент в моей юной голове возникли очень интересные мысли, с учетом того, что мать меня не слишком-то баловала дорогой одеждой. А если откровенно – совсем не баловала, поскольку оказалась не у дел. Да еще и развелась с отцом некстати. Нет, чтобы челночным бизнесом заняться, как умные люди делают, или еще чем прибыльным, чтобы деньги были, как у Викиной матери. Нет! Мои предки, видишь ли, слишком гордые! Ну и черт с вами! Я сама денег раздобуду!

После просмотра кассеты еще раз я сделала вывод, что у Аркадия и полковника по карманам постоянно распаханы деньги, которые они не считают. Далее следует – у Аркадия лучше не брать, так как у него денег меньше, чем у полковника Николая. Ни в коем случае в лифчик украденное нельзя прятать. Мои мысли заработали, как часы, просчитывая возможные варианты: можно положить в сумочку, или в куртку, а потом сказать, что это мои. И главное – убедиться, что тебя в этот момент не снимают, то есть видеокамера не включена.

Чтобы было не так скучно и одиноко в пустой квартире, перед сном я послушала песню рок-группы «Наутилус Помпилиус»:

В комнате с белым потолком,
с правом на надежду,

*В комнате с белым потолком,
с верою в любовь...*

На следующий день, когда Николай с Юлей приехали и подвезли меня до метро, я сказала, что обязательно еще приеду, а сама подумала: «Я зашла в эту квартиру наивной девочкой, а вышла воровкой, но уж такова жизнь. Посеешь ветер – пожнешь бурю!»

В следующий раз я приехала в гости к Николаю и Аркадию с подружкой Викой, которая одна знала о моих московских похождениях и не раз просила взять с собой. Но я не ожидала, что Вика настолько шлюхастая, что будет спать со всеми подряд, то есть с обоими мужиками. Хорошо хоть – не одновременно! Для меня это нонсенс. Вот что значит Викуля – незамороженная бабища из Воронежа!

Когда ночью все заснуло, я взяла несколько сотенных долларовых купюр из брюк Николая и положила к себе в сумочку. Утром он ничего не заметил. Первый улов шестнадцатилетней девочки.

И так было каждый приезд. Николай и не догадывался, что неопытная на его взгляд школьница будет у него бабки таскать. А он как думал? Общаться с молоденькими несовершеннолетними девчонками и ничего не давать за это? Старый козел! Он глубоко ошибался, думая, что его общество так уж приятно выносить. Вонючая, пьяная, мусорная скотина с зеркальной болезнью, считающая себя Аленом Делоном и не думающая даже дарить подарки. Такое положение вещей его, видимо, устраивало, и полковник был уверен, что я с ним возжусь только из-за его природного обаяния. В сорок три года этот урод так ничего и не понял. В собственных глазах он был настолько крутым, что все должны смотреть ему в рот и кланяться в ножки.

Полковник Николай часто напивался, и в один из таких вечеров разругался со своей любовницей Юлей.

– Ну, все. Костюма от Тома Клайма мне не видать, – сокрушенно произнесла она довольно громко, одеваясь в прихожей.

В пьяном угаре Николай побежал на кухню, открыл встроенный в стену сейф, замаскированный под дешевую репродукцию с натюрмортом, и выгреб оттуда всю наличность. Там было около трехсот тысяч долларов! Я потом посчитала. Таких огромных денег я никогда не видела. (В 1996-м году на них можно было купить тридцать однокомнатных квартир в Подмосковье!) Потом Николай кинул все эти деньги в Юлю и заорал:

– Вот! Это все тебе! Оставайся!

А у меня промелькнула мыслишка: «Знать бы, чем эта чертовка ему мозги свинтила, что он такими деньжищами швыряется». Ее же реакция была бесподобна. С высокомерным видом Юля расшвыряла доллары в разные стороны и проишлась по ним тонкими каблучками своих туфле лек:

– Трах...ся со своей Алисой! – и гордо удалилась.

До меня тогда так и не дошло, что поссорились они из-за меня, поскольку все внимание поглотила куча бабла, разбросанная по квартире.

Расстроенный и отвергнутый Николай, осознав, что его еще и унизили, упал своей пьяной харей на кровать и мертвецки уснул. Обо мне он забыл, а я продолжала сидеть в углу комнаты, тупо уставившись на разбросанные по коври доллары. Конечно, хотелось взять все и уйти, но такой вариант сразу отпал, потому что они знали мое имя, адрес и даже школу, в которой

я училась: Аркадий часто довозил меня до дома в Подмоскowie, а однажды даже заехал за мной в школу. Недолго думая, я взяла из какой-то пачки три тысячи баксов и спрятала их за подкладку сумки... Почему именно три? Не знаю.

В тот год я была самой модной и крутой девчонкой в школе! Сбылась мечта идиотки! Я покупала все, что хотела и не хотела.

Все думали, что меня одевают родители. Конечно, такие мелочи, как школьный театральный кружок и какие-то там фестивали меня больше не интересовали. Главное было – выглядеть круче, чем любые маме-папины дочери или сыночки, которые тогда, в начале перестройки, уже летали в Лондон так же часто, как мы с матерью ездили на зачуханную подмосковную дачу. Но на меня хотя бы перестали смотреть с пренебрежением мои сверстники! Помню, как я кому-то врала, что только недавно вернулась из Европы, вовсе не для того, чтобы выглядеть в их глазах круче, а потому что искренне хотела туда попасть.

1996–1997 гг.

(Из дневника Алисы)

Глава 3

Что такое смерть?

К тому времени домашняя обстановка становилась все напряженнее. Амплитуда непонимания между мной и матерью стремительно возрастала. Она была занята своей личной жизнью, я – своей. Она не знала обо мне ничего, а я НЕ ХОТЕЛА о ней ничего знать. Да и что ей рассказывать, если и так понятно, что она меня и слушать не станет, а возьмет и пришьет.

В итоге мы с Викой внаглую зависли в Москве у мужиков на три дня. Я-то не волновалась, потому что подготовилась основательно: в это время проходил театральный фестиваль в школе с выездом из города. Я же умнее всех! Я все просчитала! Но не учла самую малость: Вика ни на какие кружки не ходила, и у нее алиби, соответственно, не было. Поэтому ее мать подняла тревогу по всему городу, запугивая своими знакомыми друзьями-бандитами. Если бы не Вика – все прошло бы гладко, как и всегда, и никто бы ни о чем не догадался.

Но!.. Без Вики же никуда! Все-таки подруга... Когда я вернулась домой после трехдневного отсутствия, мать избилла меня за то, что нашла у меня на столе визитку с номером сотового телефона Николая, и за то, что Викина мамаша угрожала бандитскими разборками не только моей матери – чего с нее взять-то! – но и ее любимому Саше-Греку. Самое интересное, что Викина мать после того, как узнала, с кем спит ее дочь, не только успокоилась, но стала даже ей гордиться. А вот у меня было все гораздо сложнее. Ее-то не били! В общем, как я чувствовала себя забитой овцой всю жизнь, так ей и осталась, несмотря на деньги, которыми могла теперь с легкостью распорядиться.

1997 год

(Из дневника Алисы)

То, что Алиса вернулась именно в этот день, было исключительно моей заслугой. Она, видимо, запомнила. После звонка мне на квартиру Викиной матери с угрозами, а потом – ее триумфального прихода, когда она меня чуть за волосы не оттаскала – Грек спас! – я перерыла в Алискиной комнате каждую щель, каждый карман, перетряхнула каждую книгу... И я нашла то, что искала! Я нашла визитку этого уродца, этого поганого мента, который совратил моего ребенка. Я позвонила по указанному телефону и – нет, я не кричала, потому что у меня уже не было голоса от рыданий – я прошипела:

– Николай Петрович?

– Да.

– Если ты, козел вонючий, не отпустишь мою дочь с подругой, я звоню в уголовный розыск и сдаю тебя с потрохами! Если ты думаешь, что сможешь отмазаться – даже не мечтай! Мой муж работает с фээсбэшниками, так что на тебя управа найдется! У тебя ровно два часа. Дальше я звоню, кому надо.

Я блефовала по-крупному, но мои угрозы возымели действие: упускать доходное место гребаный полковник МВД не хотел из-за каких-то сопливых малолеток. Ровно через два часа после звонка моя дочь и Вика были на пороге нашей квартиры. Это из центра Москвы! Не иначе, как на машине с мигалками привезли.

...Почему Алисины отлучки долго оставались мне неизвестны? Почему я не звонила во все колокола раньше ее глобального трехдневного загула с мужиками? Как вам это не пока-

жется абсурдным: я верила дочери. ВЕРИЛА! Или изо всех сил ХОТЕЛА ВЕРИТЬ. Или это была своего рода терапия, чтобы не сойти с ума? Я заставляла себя верить, как только может верить дочери мать, считающая своего ребенка самым-самым. Самым лучшим, самым добрым, самым красивым. А моя дочь мне безжалостно врала, что они уезжают с театральным школьным кружком или с танцевальным ансамблем «Атлантида» на выступления в другие города, на двухдневные фестивали...

Ее вранье всплыло бы и раньше, но Алису прикрывали друзья-приятели. Особенно в этом преуспел некий Женя. Хороший мальчик, танцор из ансамбля «Атлантида»: забавный такой плотненький пацанчик с огненно-рыжими волосами и смешными детскими конопушками на носу. Внешне он совершенно не соответствовал утонченным танцорам, но Алиса уверяла, что он занят в ведущих партиях.

Я подумала, что с ним моя дочь будет, как за каменной стеной, настолько Женя показался с первой же встречи честным и открытым. Поэтому я и отпускала Алису с ним везде, даже на двух- и трехдневные выезды в другие города. А потом оказалось, что поездки с «Атлантидой» – сплошной обман. Паренек любил мою непутевую Алиску, а та, пользуясь его чувствами, прикрывала свои московские похождения.

Сначала он бывал у нас дома часто, но к концу Алискиного одиннадцатого класса стал появляться все реже и реже, а на выпускном вечере в школе к нам с дочерью не подошел, чем удивил меня чрезвычайно. Алиса сказала, что они с Женей недавно поссорились. «Еще помирятся», – подумала я, совершенно не представляя, во что может вылиться неразделенная подростковая любовь.

Выпускной вечер прошел скомкано. Накануне дочь в очередной раз загуляла, а потом, на бегу готовясь к вечеру, начала красить волосы, и они вдруг превратились из русых в смолянисто-черные. Как воронье крыло! И хотя за этот год ее волосы я видела-перевидела любых цветов и оттенков, но все же черный исключался, потому что Алиса сразу становилась похожа на армянку, как моя бывшая свекровь. Потом мне парикмахеры объяснили, что от частых окрашиваний продукцией различных, не всегда добросовестных, фирм произошел эффект наложения, непредвиденная химическая реакция. Почти как у Кисы Воробьянинова в «Двенадцати стульях». Короче, та девушка, которую я привела на получение аттестата, мало походила на Алису. На нас недоуменно поглядывали.

Впрочем, судя по дневнику, который я сейчас читаю, и ее внутренний мир мало походил на ту девочку, которую я считала своей дочерью. Вы сильно удивитесь, но такое пожирающее изнутри чудовище, как зависть, у меня отсутствует полностью. Я могу от души порадоваться за более удачливого человека, но не более того. А моя дочь, оказывается, завидовала черной завистью всем богатым сверстникам, что привело непутевую Алиску к воровству. К воровству! До чего же нужно докатиться, чтобы брать чужое? Это ведь неуважение к себе самой, прежде всего, но она этого не понимала, считая себя круче крутой.

Уговорить Алису поступить в институт после окончания школы не получилось. Да и аттестат был откровенно троечным. До учебы ли было моей дочери при постоянных гулянках! А я считаю, что высшее образование необходимо для общего повышения интеллекта. Просто – нужно окончить институт, и все. Кем ты будешь работать – второй вопрос. Но дочь уперлась рогом. Она буквально бредила пошивом модной одежды, и только на этом поприще видела свое дальнейшее существование.

Может, я и не противилась бы мечте дочери, ведь сама хорошо шью и Алису научила азам этого ремесла, так необходимого при тотальном советском дефиците... Но в перестройку все круто изменилось: ателье, с успехом просуществовавшие советский период, закрывались одно за другим из-за отсутствия работы. Балом ныне правили «челноки» – перевозчики тряпок из Европы, Китая и Индии. Зачем тратить время на пошив, если теперь на рынке можно приобрести все, что заблагорассудится? Можно съездить на Черкизон – Черкизовский рынок – и

купить любую вещь от китайского пуховика и нижнего белья, до норковой шубы и цыганского золота. ВСЕ! Поэтому я не дала Алисе пойти в швейное училище, как она хотела.

Моя дочь будет пэтэушницей?! Такого позора для семьи я допустить не могла. Какие же глупые мысли меня тогда волновали! Позор... Разве может быть позорной любая учеба или работа? Гордыня! Вот что мной правило. И несусветная глупость. Теперь-то я понимаю. К сожалению, слишком поздно понимаю.

Оставался компромисс между институтом и ПТУ – техникум. После того, как вскрылись Алискины гулянки, разве я могла ее отправить учиться в Москву? Я затолкала дочь в противоположную от столицы сторону – в удаленное Подмосковье.

В этом году я оканчивала школу и «готовилась» к экзаменам. Почему в кавычках? А потому что мы с моим развеселым классом безжалостно прогуливали уроки. Перестроечное время было страшным для взрослых, а нам было пофиг!

Мне весь прошедший год нравилось общаться с ребятами из танцевального клуба «Атлантида». Туда ходили необыкновенные парни и девушки: прикольные, умные, добрые, интересные собеседники, веселые, сильные телом и духом, симпатичные... И еще кучу превосходных эпитетов. Они приглашали меня на свои концерты и праздники.

Один из этих ребят – Женя (Ниндзя, как его называли друзья), даже влюбился в меня, но мне он внешне не нравился, поэтому его любовь я воспринимала как дружбу. Женя не был красавцем, но – добрейшей души человек. По первому зову он мчался ко мне, а я относилась к этому, как к должному. Вроде бы в некоторые моменты можно обойтись и без него, но жизнь при этом становилась не так интересна и весела.

Это был простой, добрый, веселый парень, который хотел, чтобы я стала его женой. Но я такой вариант и не рассматривала, поскольку мои увлечения были, мягко говоря, не детскими, а совращать хорошего парня не хотелось. Поэтому до постели не дошло, хотя у него в гостях я бывала частенько, познакомилась с родителями и с сестрой. Я воспринимала Женю за близкого друга, а как сексуальный партнер он меня не привлекал. И даже то, что он в меня влюблен – лишь забавляло.

Все шутки мигом закончились, когда я узнала, что мой безответный дружок внезапно умер. Он умер в том возрасте, когда о смерти не задумываешься вообще. Когда-то это будет? А в тот день трубку телефона взяла моя мать, и сказала:

– Звонят из «Атлантиды». Умер какой-то Женя.

Мне и в голову не могло прийти, что это – Женька-Ниндзя: добрый и светлый парень, которого все любили. Все, кроме меня. Он не был ни наркоманом, ни бандитом, ни инвалидом, и вдруг – смерть! Этого быть не может!

Женьку нашли в его комнате задушенным полотенцем родители, вернувшиеся с работы. Друзья говорили, что он не мог покончить с собой, настолько это был веселый и жизнерадостный человек, просто он хотел словить собачий кайф. А его сестра сказала мне на похоронах, что если бы я была в тот день с ним, то ничего бы не случилось, и очень удивилась, когда узнала, что у нас с Женей не было близких отношений. По ее словам получалось, что я во всем виновата!

Я проревелась на похоронах и больше никогда о нем не плакала. У меня даже не возникало никаких угрызений совести. А с какой это стати! И сразу нашла Жене замену. Не траур же носить по несостоявшемуся жениху!

...После выпускного вечера в школе я бездельничала в городе. Ни в какой институт я поступать не собиралась, как настаивала мать, а поступила в техникум по ее указке, только чтобы она от меня отвязалась. И, что естественно, продолжала дружить с Викой. У нее дома целыми днями напролет не было родителей, и мы зависали там с обычными парнями, потому что богатых мужиков нам хватило с лихвой. Особенно мне! Деньги-то теперь были!

Нашими с Викторией временными друзьями стали Мишка Иванов и его сосед Тимоха. Я была с Мишкой. Вика – с Тимохой. Мы весело и прикольно проводили время то у Вики дома, то у Мишки. Казалось – так будет всегда: легко и хорошо. Но я неосторожно залетела. Предохраняться так и не научилась, или мы просто не задумывались, что от этого могут появиться дети?

На тот момент мать продолжала жить гражданским браком со своим другом детства или бывшим одноклассником – я сильно не вникала! – с Сашей-Греком. Когда она узнала о моей беременности, то с ужасом воскликнула:

– Если ты родишь, то Грек меня бросит!

Отличное предположение... Я-то была уверена, что мать обрадуется рождению внука или внучки, и меня поддержит в этом случае, а оказалось – ей это вовсе и не нужно. Я позвонила Мишке Иванову и сообщила:

– Я беременна!

На что он выпалил:

– Выходи за меня замуж! – как честный-пречестный мужчина.

Но что-то я себе совсем не так представляла предложение руки и сердца. Это было сказано как бы – между прочим. Я положила трубку и задумалась. По идее этот такой-растакый Миша должен был тут же примчаться ко мне с букетом роз и умолять меня не делать аборт. Или я мыльных опер по телеку насмотрелась? Но этого не произошло. Возможно, он подумал, что я и так рожу безо всяких уговоров.

А для кого рожать этого ребенка, если кроме меня он никому не нужен? В итоге мы оба умрем с голоду. И я решила, что пойти на аборт будет лучше.

1997 год

(Из дневника Алисы)

А что другое я могла сказать? Сказать Алисе правду, что она шизофреничка, и дети ее будут тоже неполноценными? Откровенничать при ее неуравновешенной психике я не решилась. К тому же соседка-пенсионерка разрешила родить несовершеннолетней дочери, и теперь сама сидела без денег дома с этим ребеночком, а шалавистая дочь продолжала шляться по мужикам. Премило!

Мне и Алиски одной хватало без царя в голове, а тут еще психически больной младенец на голову свалится. Разве я достойна подобной участи? Только сейчас, когда рядом со мной Саша, я наконец-то почувствовала себя любимой и желанной женщиной. По-настоящему любимой! И что? В угоду моей гулящей дочурки без мозгов, я должна пустить свою жизнь под откос?

Никогда не думала, что придется говорить страшные слова об аборте своей дочери, потому что помню, какой шок был у меня, когда собственная мама сказала мне те же слова. Но Алиса нездорова, а у меня появился шанс родить самой полноценного малыша.

Чтобы не травмировать и без того ненормальную Алиску, я произнесла вслух нейтральную фразу, слегка переведя стрелки на Сашку, который по сути для Алиски – чужой человек. Мне же хотелось, чтобы дочь не возненавидела меня еще больше при слове «аборт». Хотя куда уж больше!

– Если ты родишь, – сказала я в ответ на ее признание в беременности, – то Грек меня бросит!

Только Алиса, как всегда передергивает, вырывая из контекста те фразы, которые перед ней самой оправдают ненависть ко мне. Потому что дальше я продолжила:

– Грек уйдет, и у нас не будет денег на существование. Папа Леша перестанет платить алименты, как только наступит твое совершеннолетие. Это произойдет ровно через полгода. Даже ребенок еще не родится. Я зарабатываю – впритык: еле-еле хватит на квартплату и еду. Если бы не Грек, то мы давно уже зубы сложили на полку. Ты не работаешь. И, судя по всему, не собираешься. На что мы будем растить ребенка? Ты можешь и не избавляться от беременности, если виновник залета возьмет ответственность за малыша на себя. И не только ответственность, но и материальное обеспечение. Звони ему!

В том, что она сразу позвонила Мише Иванову, и он позвал ее замуж, Алиса не призналась. Зачем? **Она в очередной раз соврала, что отец ребенка не хочет знать ни ее саму, ни их пока еще нерожденного малыша. Так она решила переложить ответственность за принятие решения об аборте полностью на меня, чтобы пригвоздить чувством вины. За долгие годы нашего общения моя дочь научилась манипулировать материнским инстинктом. Скажу жестче – не манипулировать, а шантажировать!**

Не скрою, долго меня это чувство за невинно убиенного младенца мучило: а вдруг, если бы Алиса родила, то она бы остепенилась, и ничего бы плохого не произошло... Рассуждала я обычно вслух при моем гражданском муже. На что Сашка-Грек, привыкший, как бизнесмен, рассуждать логически и решать вопросы по мере их поступления, не полагаясь на русское абы-да-кабы, здраво возражал:

– Не мучай себя, не изводи никакими черными мыслями. Ничего бы не изменилось!

Все прошло нормально. В смысле – аборт. Первый мой аборт. Первое мое убийство ни в чем не повинного дитя. Несмотря на смерти знакомых людей рядом со мной, сама я к этому руку не прикладывала, а тут...

Но четко помню, как мать со своим дружкой Греком забирали меня из роддома на его черном слоноподобном джипе. Я юркнула на заднее сидение, пряча глаза от стыда. Почему-то было нестерпимо стыдно за мой малодушный поступок, за мой отказ от младенца, а мать всю дорогу шипела, как змея. По моим щекам текли горькие слезы от странного ощущения потери. Как будто часть тела или души оторвалась от меня и – самое ужасное! – это нечто не вернуть ни за какие деньги, ни за какие богатства.

Меня настигло первое в моей жизни чувство утраты. Не в тот раз, когда умер друг Женя, а сейчас. Нужно было пересмотреть свое отношение к окружающему миру пока не поздно, но никто мне никогда не объяснял, сколько же на самом деле стоит человеческая жизнь. Со мной вообще никто по душам не разговаривал, кроме бабушки Оли, будто я какой-то подкидыш, на которого не стоит тратить время. Но ей же всего не расскажешь! Вот и аборт от нее скрыли по договоренности с мамой. До всего приходилось допираться самой.

Только после аборта стало доходить: потерять материальное легче, чем потерять часть себя и часть своей души. Но словами выразить свое состояние я не могла. К тому же мать продолжала сыпать на меня какие-то непонятные обвинения.

Я же, глядя на эту парочку, почему-то вдруг возненавидела из обоих. Мать за то, что она меня ругала и била за мои проступки. Но она – моя мать. Этим все сказано. А вот Грек всегда отстраненно молчал, когда мы с матерью ругались. Иногда мне казалось, что ОСУЖДАЮЩЕ молчал, и не вмешивался в наши выяснения отношений. Но именно поэтому он стал для меня врагом номер один. Он не считал меня человеком, и я отвечала ему тем же.

Но главное – он не считал меня привлекательной женщиной, что было гораздо обиднее и больнее. Он ни разу не посмотрел на меня, как на женщину, которая может ему понравиться. А в его мимолетном взгляде на меня часто сквозило пренебрежение и даже – брезгливость, хотя, я думаю – нет! Я абсолютно уверена! – он не раз имел отношения с проститутками. Этого пренебрежения я не могла ему простить НИКОГДА!

И еще бесило, что каждый раз мне говорилось, что в нашей квартире ничего моего нет. Что я сама должна обеспечивать себя, а значит – идти работать. Ага, сейчас. Только штаны подтяну. Да денег Грека хватит на все с лихвой! Нужно просто уметь тянуть! Он и матери моей постоянно говорил, чтобы она уходила с работы...

Поэтому я начала свою маленькую черную мечь, испытывая при этом ни с чем не сравнимое душевное удовлетворение. Я в их отсутствие перерывала нашу квартиру и находила отложенные на хозяйственные покупки деньги. Сначала я брала по чуть-чуть и, в случае обнаружения пропажи, переводила стрелки на кого-то другого: на моих знакомых, изредка посещавших меня, на слесаря, ремонтировавшего кухонный кран, на них самих, перепрыгивающих свои сокровища и забывающих, где что лежит...

Но однажды я обнаглела и взяла сразу пятьсот баксов. У полковника-ка-то брала суммы и покрупнее. Тут мать и Грек догадались, что это я...

И тогда я решила уйти из дома...

1997 год

(Из дневника Алисы)

Почему-то вспомнилось, когда прочитала строки про Алискин уход из дома, как она сбегала пару раз еще в шестилетнем возрасте. Протест ли это был или свой непростой характер она так показывала – неизвестно.

Впервые проявилась тяга к перемене мест у моей дочери в детсадовской подготовительной группе. Только в пятнадцать лет Алиса мне рассказала, как над ними издевалась воспитательница детского сада. Чем не домомучительница Фрекен Бок из мультфильма про Карлсона? Та самая воспитательница старшей группы, Марина Ивановна, которую я считала лучшей из всех, потому что она сразу же оказывалась рядом, как только я переступала порог детсада. Она подобострастно заглядывала мне в глаза и говорила, какая замечательная у меня дочь:

– Такая умница! Такая рукодельница! Так хорошо рисует! Я ее в пример всем детям ставлю!

А какой мамочке не понравится, что хвалят ее ребенка?! Естественно, я носила этой ушлой тетке-воспитательнице подарки ко всем праздникам, чтобы отблагодарить за заботу о моем чаде. Каково же было мне узнать спустя почти десять лет, насколько двуличной была эта очкастая тварь!

Она не била детей и не ругала. За это же можно и взыскание получить от родителей или от заведующей детсада. А то и быть уволенной с волчьим билетом. Нет! Она вместо положенных часов, отведенных детям для игр, рассаживала мальчиков и девочек на стулья, выставленные

в ряд, и заставляла молча сидеть, дожидаясь прихода родителей, положив руки на колени. Не всегда отпуская даже в туалет! Фашистское отродье! А если вдруг кто из детей ослушается – ставила провинившегося лицом в угол. Мало того, она запугала малолетних подопечных так, что дети никому ничего не рассказывали. Напомню: об этом я узнала только через десять лет.

Протест моей шестилетней дочери Марине Ивановне выразился в том, что Алиса без спроса ушла вечером из детского сада, не дождавшись моего прихода. Правда, я действительно припозднилась на работе, но детсад работал до семи вечера, а было только пятнадцать минут седьмого.

Теплый летний вечер располагал к прогулкам на свежем воздухе, поэтому я не стала заходить в группу, а поспешила на участок с верандой, закрепленный за нашими детками. Четверо ребятишек сосредоточенно копались в песочнице, строя дорогу с тоннелями. Алисина кофточка лежала на скамейке, но ее самой нигде не было. Я обошла весь участок, засаженный деревьями и кустарником, а потом спросила у детей:

– А вы не видели Алису? Где она?

Одна из девочек нехотя оторвалась от своего важного занятия и сказала:

– А она домой пошла.

– Как домой? С кем? А где воспитательница?

– Не знаем. Марина Ивановна нас на старшую группу оставила и ушла. А тех детей уже всех забрали. Вот мы тут одни своих мам и дожидаемся.

Я знала, что никто кроме меня не мог забрать Алису из сада. Просто больше никому. Сотовых не существовало, да и городские телефоны раздавались по большому блату, так что поиск по звонкам не имел смысла. Ножками-ножками! Кроме того, я знала наверняка, что и в моей квартире, и в квартире моих родителей никого сейчас нет. Папа, мама и родная сестра неделю назад укатили отдыхать в Крым. Мой еще тогда существующий муж Алексей должен появиться с рыбалки только через два дня. А мой дедушка, который жил с родителями, лето обычно проводил на даче. Все! Вариантов не осталось. Куда могла пойти дочь? Или ее украли? Сердце сжималось от ужаса!

Может, у свекрови разыграло ретивое, и она вдруг решила заняться своими прямыми обязанностями бабушки, забрав внучку из сада? Но без предупреждения?! Такого раньше никогда не бывало.

Я нашла воспитательницу Марину Ивановну в соседней группе, мирно гонящую чай с такими же нерадивыми тетками, как она сама. Я с порога наорала на нее, что отдам под суд, если с моей Алисой что-то случится. Вот тут-то они все трое со стульев повскакивали, и приняли активное участие в поисках.

Мы с ними стали нарезать круги вокруг забора детсада, спрашивая по пути всех и каждого, не видели ли они шестилетнюю девочку в желтом ярком платьишке и белой панаме, расширяя постепенно поиски. На всякий случай я зашла к себе домой – вдруг муж вернулся? Потом забежала к свекрови – чем черт ни шутит? Никого не было!

«Только не реветь. Только не реветь! – билась в голове единственная мысль, потому что я знала: от моей выносливости зависит жизнь дочери. – Не раскисать!»

Когда поиски затянулись, и я подумывала уже о подключении милиции, меня что-то торкнуло в бок: нужно заглянуть в квартиру к моим родителям... На всякий случай. На звонок в дверь неожиданно повернулся ключ в замочной скважине по ту сторону, и навстречу вышел мой дедушка. Он приехал с дачи в город по делам на один лишь вечер. Кто же знал?

– Татьяна, – строго начал он, не поздоровавшись, – я буду с тобой ругаться! Как ты можешь пускать одного ребенка снизу подъезда по лестнице ко мне? Ты должна была мне передать Алису из рук в руки!

– Алиса... здесь?.. – голос мой задрожал, а нос предательски защипало.

– А где она, по-твоему, должна быть? – вопросом на вопрос ответил дедушка.

И тут я разрыдалась. Громко. Взахлеб. АЛИСКА НАШЛАСЬ! Я рыдала так, что мой дедушка – а Алисин прадедушка – испугался, и почти волоком втащил меня в квартиру. Алиса, как ни в чем не бывало, вышла мне навстречу из гостиной:

– Мамочка, а что ты плачешь?..

Потом выяснилось, что дедушка открыл ей на звонок в дверь два часа назад. Кнопка звонка в квартиру родителей располагалась так низко, что до нее дотянется даже детсадовский ребенок. Когда ее устанавливали, моя родная сестра была такого же возраста, как Алиса сейчас, а гулять во двор раньше выпускали детей одних, без сопровождения.

Замечательное было время! Ни тебе железных громоздких дверей в подъезд с домофонами, ни отвязных дяденек, гоняющих на джипах по придомовым территориям. Да и чужих людей, приезжих, было значительно меньше. Сидели местные старушки в советское время на скамеечках, судачили о том, о сем, а заодно и на детишек поглядывали...

Так вот, мой дедушка открыл дверь, услышав звонок, и увидел на пороге Алису. Он решил, что я отправила ее на третий этаж одну, а сама побежала по своим делам. То, что правнучка Алиса могла прийти одна, сбжав из детсада, мой дедушка даже помыслить не мог!

Отругать Алису за побег не было сил. Они все кончились...

Второй раз инцидент ухода без спроса моей дочери случился через пять месяцев, а значит, время года было другое. Алиса ушла лютой зимой, в двадцать градусов мороза. В советское время трудовые коллективы были дружными и сплоченными. Для разновозрастных детей отдел, в котором я работала, устроил встречу Нового года в лесу под настоящей елкой, украшенной принесенными из дома игрушками. Детей развлекали костюмированные Дед Мороз со Снегуркой, пока взрослые угощались водочкой и шашлычком.

Вполне уверенная, что моя шестилетняя дочь занята с другими детьми конкурсами, я примкнула к остальным. Вдруг ко мне подбегает старшая девочка и говорит:

– Тетя Таня, а ваша Алиса ушла от нас в лес, прямо по сугробам.

На поиски Алисы бросились все! Слава Богу, что по сугробам она уйти далеко не смогла. Когда уже дома я спросила дочь, почему она ушла, прозвучал странный ответ:

– А мне с ними скучно стало.

– Алиса, а почему же ты ко мне не подошла?

– Не захотела.

Вот так, «не захотела». И все! Или это было предвестием всего остального?

...По-видимому, Алисе так же стало скучно, когда она ушла из театра со спектакля «Вишневый сад» на поиски приключений в ночную Москву... И также скучно ездить на занятия после окончания школы, поэтому она часто пропадала в неизвестном направлении.

Все, что творила Алиса, поступив в техникум, хотелось навсегда забыть, как очередной страшный сон. Вычеркнуть из жизни. Если бы я только знала, сколько еще придется вычеркнуть...

Я обшаривала комнату Алисы вновь и вновь, когда она не появлялась ночевать, чтобы найти хоть малейшие зацепки ее пребывания и вернуть домой. Только умудренная опытом Алиса ничего не оставляла после опрометчиво брошенной визитки полковника Николая, по которой я ее вычислила в прошлый раз в Москве. А мне нужно было себя чем-то занять в ночных бдениях, чтобы не сойти с ума от беспокойства за ее жизнь, и я проявляла чудеса изобретательности, перечитывая каждое словечко на полях учебников и тетрадей.

Во время поисков в комнате дочери находились вещи, которых не должно быть у Алисы хотя бы потому, что я ей их не покупала. И если дорогое шмотье можно было спрятать, запихнув подальше в шкаф, то новенький видеоплеер и дорогой музыкальный центр с колонками стояли на виду. Но я и предположить не могла, что это куплено на ворованные деньги!

Когда я спрашивала дочь в лоб:

– Откуда это? – Алиса изворачивалась, говоря, что взяла у кого-то поносить, или, что ей подарила богатая московская тетка или отец, с которым я не общалась.

Иногда я находила какие-то обрывочные записи в виде дневников. Прочитывала, а потом делала вид, что ничегошеньки не знаю. Иногда продумывала наводящие вопросы, чтобы выудить из неожиданно появившейся Алисы как можно больше информации, номеров телефонов, и знать, в каком направлении искать, если что.

Именно тогда я ходила к некоторым ее бывшим одноклассницам и выяснила, что в былые времена черная BMW увозила Алису прямо со школьных занятий. Черт возьми! Куда смотрели учителя?! Те же подружки мне сказали, что денег у Алисы в одиннадцатом классе было столько, что она могла давать чуть ли не любые суммы в долг. Причем, легко прощая эти долги. Конечно, деньги-то не заработаны... Но откуда она их брала? Откуда? Или ей платили за... Ужас хватал за горло.

Даже всеядный афганец Сашка-Грек, который пока что нас терпел, но уже с трудом, по моему, брезговал моей дочерью, что было тоже неприятно. Впрочем, разве было бы лучше, если бы он оказывал Алиске знаки внимания? Наверяд ли. А может, я просто ревновала Грека к так резко повзрослевшей дочери?

Алиса по-прежнему вела себя отвратительно не только по отношению к моему гражданскому мужу. Казалось, именно во мне она видела источник собственных бед. В ее глазах я читала только неприкрытую ненависть. Она бросала упреки, что я ее плохо одеваю, что даю мало денег... Источник-то неконтролируемого дохода в виде московского мента, видимо, иссяк.

– У тебя нет, так у Грека своего возьми! – слышала я крики из-за двери в ее комнату, которую Алиса постоянно держала закрытой, подперев с обратной стороны журнальным столиком.

Иногда мне удавалось прорвать ограждение, иногда так и приходилось разговаривать через дверь. А за что, спрашивается, я буду ее баловать, покупать обновки, если она не прикладывает ни к чему хоть малейшее усилие: не ездит с техникум, не убирается у себя в комнате. Сидит у меня и у Саши на шее, свесив ноги, и еще чего-то требует. Требует, и не меньше!

Не говоря уже о том, чтобы сходить в магазин, приготовить ужин, помыть посуду, вынести мусор, в конце-то концов! Мне приходилось делать все самой после рабочего дня, а эта дряннушка могла проваляться на незаправленной кровати день-деньской напролет, изредка посматривая телевизор. Чтобы подстегнуть Алису хоть к какой-то работе или учебе, я начала говорить, что это только моя квартира, а ей свою надо заработать, чем вызвала еще большую ярость дочери.

Если я отправляла ее в магазин – а делала я это крайне редко, – Алиса могла с выданной на покупки суммой исчезнуть дня на два или на три с концами. Поэтому я старалась не давать ей деньги в руки. Из семейных заначек кое-что пропадало, как я не старалась их запрятать подальше. Вполне естественно, что я срывалась на дочь. А кто еще мог взять деньги? Она нагло вралась и изворачивалась.

Иногда я делала вид, что верю, потому что сил на выяснение отношений не оставалось, хотя я знала наверняка, что она в очередной раз врет. Когда все аргументы исчерпывались, от отчаяния я кидалась на нее с кулаками, причем не испытывала чувства угрызения совести. Казалось, что я породила исчадье ада. За что? За что мне это?

Или это отголосок первой Алискиной попытки суицида, когда я твердила ей день и ночь, чтобы удержаться от очередного суицидного витка, что люблю ее больше жизни, что готова для нее на все... А потом взяла, да и полюбила какого-то дядьку с улицы. И как я посмела полюбить кого-то, кроме нее?! Алиске было абсолютно наплевать, что я думаю, чувствую. Была только она. Пуп земли!

– Любите меня! Поите! Кормите! Одевайте! А я еще посмотрю, достойны ли вы моего присутствия! – это постоянно мне внушалось непутевой дочкой.

От своих родителей я продолжала тщательно скрывать Алискины загулы. Покрывала ее, как могла. Во время общих застолий в квартире родителей, где собирались все наши многочисленные родственники по праздникам, я делала вид, что у нас с дочерью все хорошо, чем способствовала тому, что Алиса совсем обнаглела.

А потом стали пропадать деньги не только у меня, но и у Грека. Если не дают этой неблагодарной свинюшке по-хорошему, надо воровать?! Да я сама себе лучше руку отрублю по локоть, но не возьму чужого! Так учили меня в моей семье.

Ну-ка, перечитаю, что она там в своем дневнике написала про воровство у нас денег?

Сначала я брала по чуть-чуть с полочки, где всегда лежали деньги на хозяйственные расходы, и удавалось перевести стрелки на кого-то другого. Потом я перерывала в отсутствие взрослых дом от угла до угла и находила заначки, из которых брала по одной-две купюры, а если до меня пытались докопаться, то говорила, что ни о каких деньгах не знаю. Дурочку включала. Но однажды я обнаглела и взяла сразу пятьсот баксов. Мать с Греком догадались, что это я и ...

Я решила уйти из дома...

Кроме того, материны постоянные упреки за то, что я их объедаю и за копеечные подачки на проезд до техникума меня совсем выбили из строя. Мы орали друг на друга, высказав все, что накопилось за последний год. Из дома я ушла с фингалом под глазом.

И все! С собой у меня ничего не было, кроме дамской сумочки. Я бросила техникум, потому что целыми днями искала, где переночевать. Я согласна была идти куда угодно, только не домой. Да и вряд ли меня там ждали.

Я болталась не в нашем занюханном городишке, где все меня знают и обязательно доложат матери, а зависала в Москве по разным кабакам, расплотившись в перестройку, как грибы после дождя. Причем всегда была одна, без подружек. Изредка, правда, заскакивала к полков-

нику Николаю на огонек, но это уж когда совсем припрет, и деньжат перехватить нужно.

Обычно я просто узнавала, в каком клубе сегодня пускают девушек бесплатно, а такое случалось довольно часто. Если не удавалось познакомиться с каким-нибудь мужиком, чтобы хотя бы накормил и напоил, а может – и спать уложил, то просто заговаривала с барменом и официантами, которые по доброте душевной приносили мне остатки еды. Не объедки – нет! Ни в коем случае! Что я – шавка подзаборная? Официанты приносили мне еду, которая оставалась нетронутой в больших блюдах на столах, ведь часто богатые мужики заказывали эррачку сверх того, что могли употребить, чтобы пустить пыль в глаза партнерам по бизнесу или новой крале.

Имея теперь обширные знакомства в клубах и кабаках, мне удавалось просочиться и на закрытые вечеринки, где обычно накрывали шведский стол, а спиртное лилось рекой. Я и прикидом соответственным обзавелась, чтобы быть своей в любой клубешной тусовке. Юбка, безрукавка и сапожки – все из натуральной черной лайки. В общем, выглядела я классно!

Однажды попала на закрытую вечеринку в клуб «Титаник», что на стадионе «Динамо», и названный так после выхода на экраны нашумевшего одноименного кинофильма с Ди Каприо. Обстановка клуба покорила с порога

изяществом и дороговизной: черная кожа и металл, а окна – круглые, в виде корабельных иллюминаторов. В общем, если я сяду на такой кожаный диванчик, то сольюсь с ним по цветовой и структурной гамме. Помните мультфильм про Крокодила Гену? Когда ему Шапокляк говорит:

– Как хорошо, что вы такой зеленый. Вы ляжете на газон, и вас не будет видно...

Вот так теперь и я – сливалась с обстановкой. В «Титаник» ходили более чем обеспеченные люди, в основном мажорики, поэтому, если была возможность, то я зависала именно в нем. Там закрытые вечеринки были классные, как тогда говорили расхожую фразу: «Круче только яйца вкрутую». Однажды я столкнулась там с солистом рок-группы «Агата Кристи», от которой мы фанатели:

Давай вечером с тобой встретимся, Будем опиум курить-рить-рить...

Хотя я в то время не употребляла ничего серьезного. Солист оказался таким мелким, что меня смех разобрал... Но менее любимой от этого группа «Агата Кристи» не стала.

Полгода я жила с разными мужиками, с которыми знакомилась прямо на улице или в кабаках. Рано или поздно мне приходилось от них уходить, потому что меня то избивали по-черному, то пытались продать в бордели, а то и вовсе попадался какой-нибудь извращенец.

Один пьяный бандюга, торговец оружием, с которым я встречалась какое-то время, надел на меня наручники и избивал в ванной. Не помню даже за что. Я испугалась, что он меня забьет до смерти. Утром мужик протрезвел и весь день стоял передо мной на коленях, прося прощения. Потом дал денег, чтобы я сняла себе квартиру, и отпустил в надежде на то, что я его прощу и вернусь.

Может быть, если бы он дал денег побольше и оплатил моральный ущерб, я бы его и простила, но оставался риск, что в следующий раз он довершит задуманное и меня пристрелит.

1997 год

(Из дневника Алисы)

Предполагаю, что избивали Алису за то же воровство денег. Не может быть, что избияния происходили беспочвенно. Это ведь не полковник Николай, которому баксы сыпались с потолка. Тысячей больше – тысячей меньше, не все ли равно. Это у него можно было брать без счета. Но никто уже не мог выбить из этой дряннушки тягу к воровству. НИКТО!

Перечитайте последний абзац из ее дневника еще раз: «Если бы он дал денег побольше и оплатил моральный ущерб, я бы его простила...» Ужас!

Глава 4

Почему я ненавижу

Чем больше просвещенный человек заботится о беззаботности своей жизни, тем больше он теряет разум.

Кант

Я вернулась домой где-то в марте и сказала матери, что я жила с одним мужчиной. С одним! Наверное, вы ждете услышать, что это послужило мне уроком? Типа: надо маму слушаться, чтобы не попадать в такие ситуации... Так вот, одно дело слушаться, а другое – подчиняться приказам, слышать, что ты никто, и получать подзатыльники. Я до сих пор не считала, что делала что-то не так. После моего прихода ничего не изменилось: как была я для них приживалкой, так и осталась:

уберись, ужин приготовь, а как что-то надо мне купить, так я – никто...

А я только и ждала, когда останусь дома одна, включала музыку «на всю Ивановскую», садилась на широкий подоконник и смотрела с нашего последнего этажа послевоенной сталинки на копошащихся внизу людей, похожих на муравьев. В нашей квартире такой подоконник, что можно на нем не только сидеть, но и перекусить, а если приспичит, то и вздремнуть ненароком, подложив под бок подушку...

И ничего делать по дому я не собираюсь. Что я им – уборщица?

1998 год

(Из дневника Алисы)

Листаю тетрадь-дневник и удивляюсь начитанности моей дочери, ведь цитату Канта вставила не я для красного словца, а она сама, так что можно порадоваться хотя бы тому, что должное образование в дочь мне удалось вложить, несмотря на постоянное сопротивление оному. Или это врожденная интеллигентность, которую не вытравить ни испорченной генетикой, ни пагубными пристрастиями? Только позже, на крутом вираже наркозависимости, когда мозги окончательно снесло, Алискины дневниковые записи перешли в такой же бред, что творился в ее голове, а пока даже стилистика вполне приемлема для интеллигентного человека.

Тут она упомянула про подоконники. Да, в той квартире, которую я сейчас готовлю к продаже, действительно невероятные подоконники, потому что стены дома возведены немецкими военнопленными сразу после Великой Отечественной войны. Отсюда и название дома, в просторечье именуемом «сталинка». Таких домов, с почти метровыми стенами и потолками высотой более трех метров, в городе несколько. Мы въехали в квартиру после капитального ремонта, когда строители заменили деревянные перекрытия между этажами бетонными, осовременили электрику, отопление, перекрыли крышу. Короче – от прошлой сталинки остались только мощные стены. Да еще, говорят, под домом сохранилось с советских времен бомбоубежище...

...Алиса пропала не на все полгода целиком, а рваными урывками. Забыть бы все. Забыть! Если вообще можно забыть, как мысленно хоронила собственную дочь неоднократно. Когда я уже отчаивалась увидеть ее живой, и свыкалась с безысходностью, Алиса появлялась на миг дома, чтобы изощренно продлить мои мучения. А потом так же внезапно исчезала, прихватив деньги и ценные вещи для продажи...

Как-то позвонили из техникума и предупредили, что отчисляют Алису за несданную зимнюю сессию, но повлиять на ситуацию я не могла. Отчислят так отчислят... Об этом ли мне сейчас думать? Жива ли? – вот главный вопрос.

Окончательно дочь появилась, когда я перестала ее искать и оплакивать, потому что мои собственные проблемы нарастали снежным комом. Невозможно находиться постоянно в аду. Я слишком долго испытывала стресс.

То, что мы втроем скрывались в августе в санатории от разборок на риэлторской фирме Грека, было всего лишь первым этапом. Никакие «крыши» не смогли разрулить назревающий конфликт сторон. Практически все Сашкины сбережения ушли, но фирму в прежнем виде сбечь не удалось. Ему пришлось начинать в одиночку с нуля, но уже не в Москве, а в Подмосковье, где возможности были несоизмеримо меньше столичных. Я его успокаивала, но...

Но Сашка-Грек вдруг решил, что без фирмы, без финансовой опоры, он недостоин меня – что за чушь собачья?! – поэтому он должен уйти. Такое могло прийти в голову только мужчине. А как же сакраментальное «и в горе, и в радости»?

Он ушел по-английски перед женским праздником восьмое марта. Издевательство или злая насмешка судьбы? Когда я вернулась с работы – его и след простыл: голые «плечики» в шкафу возвестили, что свои вещи Сашка вывез полностью. Хорошо хоть купленную бытовую технику оставил и подарки мне, не мелочился. А может, это из-за Алиски? Или, что вернее, из-за моего постоянно угнетенного настроения? Кому нужна женщина с проблемами, которая даже за границу поехать не желает, потому что, видишь ли, должна караулить свою прощую дочь? Что это, если не трусливое бегство мужика?

Алиска, дрянь такая, добилась своего! Больно? Очень больно!

Я дернулась сначала к телефону, чтобы позвонить Саше, но пока шла, поняла, что бесполезно звать его обратно. И унижительно...

Заглянула на кухню, а там на обеденном столе дожидается записка: **«Прости, родная Татка, что не оправдал твоих надежд. Оставляю тебе деньги на первое время. Твой Сашка-Грек. Прости».**

А рядом – некоторая внушительная сумма. Отступное? Мне отступное? Как же это мерзко!

Я бродила в пустой квартире из комнаты в комнату, слезы застилали глаза, а мысли путались:

– Все меня бросили! Все! За что вы так со мной?! Что плохого я вам сделала?!

А ответить некому...

Говорят, что беда не приходит одна. В этом я смогла убедиться, когда через неделю наш отдел отправили в бессрочный отпуск за свой счет. И сразу же я умудрилась подхватить грипп. До кучи!

В ночь температура приблизилась к сорока. То ли от вируса, то ли от других осложнений. Родителям звонить не стала. Не в час же ночи, в самом деле! Даже если я дозвонюсь, им придется идти через весь город по слабоосвещенным улицам, а ходить в темное время суток теперь небезопасно.

О вызове скорой помощи я что-то не подумала. Оставалось дожидаться утра... Сквозь шум в ушах я слышала, как в замочной скважине повернулся ключ, и в комнату кто-то вошел. Я даже сначала не поняла, что это Алиса:

– Мам, ты что тут... Одна?

– Алиса, мне плохо... – только и успела сказать я и отключилась.

Дочь потом рассказала, как сидела рядом со мной, держа за руку, не зная, что делать, а рано утром позвонила бабушке Оле, моей маме, и та примчалась спасать. Вдвоем с Алисой они меня и выхаживали. Помню смутно, потому что находилась в полубреду, и в себя пришла только на третий день. Мамины знакомства в медицинской сфере помогли избежать больницы.

На дом приходил участковый врач, а потом прибежала медсестра, которая делала уколы и ставила капельницы. За определенную плату, конечно.

Как хорошо болеть под присмотром мамы, когда квартира вылизана до блеска, а еда – полный холодильник. Мне показалось, что даже Алиска притихла. Вот уж она вовремя появилась, а то бы нашли мой хладный труп. Правда с мамой я обычно перезванивалась каждый день... Ну, не совсем, каждый, но через два-три дня – обязательно. Слишком много мне пришлось от мамы скрывать последнее время. Про Алиску ей и сейчас ничего толком не рассказывала, даже про брошенный техникум.

Как только я оклемалась, начала срочно искать работу, потому что дочь не собиралась этого делать. Не класть же, в самом деле, зубы на полку! Но к деньгам Грека пока было слишком больно прикасаться.

Опускаться при наличии высшего образования до рыночной торговки или дворничихи не хотелось. Отмечалась на бирже труда и ходила по адресам, где требовались работники офисов, но наткнулась лишь на похотливые взгляды директоров или владельцев фирм. Красивой женщине живется тяжело на свете без постоянного защитника рядом. Когда я приходила устраиваться на работу, то по-простецки мне давали понять, а то и говорили открытым текстом: «Переспешь со мной, посмотрим, на что ты годна. Тогда и решим, брать ли тебя в штат». Быть чужой подстилкой я не могу. Не могу и все! Хоть режьте! Лучше уж в дворничихи.

Но другой работы не было. Это только так кажется, что женщина с высшим образованием легко впишется в коммунальщики низшего звена. Такой опыт работы случился у одной моей подруги как раз в то время, когда я искала работу... Вакантные места помоек подъездов разбирались влет, потому что это была работа в тепле, а вот дворничихи еще кое-где были нужны. Но шоком для подруги стало другое: разговоры на повышенных тонах и только матом, разборки чуть ли не до драк за каждую метлу... Она смогла выдержать неделю, что лишь укрепило меня во мнении – к коммунальщикам не соваться.

После долгих мытарств на бирже труда мне дали возможность получить новую специальность в придачу к моему высшему техническому образованию, которое в условиях перестройки обесценилось. Я закончила курсы бухгалтеров, и сразу стала востребована в кооперативах, выросших в новых капиталистических условиях, как на дрожжах. Только приходилось осторожничать с трудоустройством, ведь любой работодатель мог повесить на материально-ответственного бухгалтера всех собак, а то и в тюрьму посадить за растрату. Поэтому я за длинным рублем не гналась: нужно сначала приобрести опыт работы. Хотя на хлеб с маслом теперь хватало.

В конце мая Алисе исполнилось восемнадцать лет, а значит, ее отец прекратил платить алименты. Она по-прежнему нигде не работала и не училась, болталась целыми днями без дела в компаниях сомнительных личностей. Но мне захотелось отблагодарить ее за то, что дочь случайно оказалась в марте в нашей квартире и тем самым – спасла мне жизнь. Или задуманная поездка – это последняя попытка наладить отношения с дочерью? Не знаю. Тем более что та сумма, которую мне оставил Грек, жгла руки. Хотелось от нее побыстрее избавиться, но – чтобы с пользой. Тогда я и решила в качестве подарка к совершеннолетию, свозить Алису в Испанию.

Мои подработки в кооперативах бухгалтером не мешали сорваться в любом направлении и в любой момент. Но... Все то же «но». Как ни склеивай разбитую чашку – трещины остаются видны. Буквально через три дня после прилета в Барселону, откуда нас доставили в небольшой портовый городок Бланес, я поняла, что зря затеяла поездку. Ничего изменить невозможно!

Было начало июня, поэтому купальный сезон на море не открылся, и мы с Алисой большую часть дня проводили в бассейне с подогревом, который оккупировали немецкие бесцеремонные и оглашенные отпрыски. Гаже детишек я еще не видывала!

Впрочем, их папашки и мамашки также не отличались хорошими манерами. Как известно: «От березки и осинки не родятся апельсинки». И те, и другие окидывали нас с Алисой недружелюбными взглядами, и, по-моему, родители подзуживали своих отвратительных детей делать нам гадости: то плюхнуться рядом в воду, чтобы брызги окатили нас с головой, то перевернуть наши лежаки с одеждой, то бегать вокруг, издавая дикие гортанные звуки... А Алиска – дряннушка! – провоцировала и без того разгоряченную немчуру на ратные подвиги своими раскованными позами в практически отсутствующем купальнике во время принятия солнечных ванн, что раззадоривало мужиков, не обремененных интеллектом.

Изо всех сил я пыталась делать скидку на чуждый менталитет, но выходило слабо. Приходилось выбирать время для купания так, чтобы немецкие семейства были как можно дальше от бассейна.

Я специально заказала отель с полупансионом в небольшом приморском городке, а не на удаленном от цивилизации побережье, чтобы с утра пройтись неспешно по магазинчикам, заглянуть на рынок в самый разгар урожая клубники. Это сейчас в России изобилие овощей и фруктов в любое время года, а в 1998 году такого еще не существовало, поэтому хотелось насытиться клубничкой под завязку. Конечно, на подмосковной даче тоже произрастала эта ягода, но не настолько сладкая и ароматная, как южная.

Интересно было побродить по улочкам города, подсмотреть уклад жизни испанцев: ухоженные огородики на окраине или убранство маленьких закрытых дворики у домов с огромным числом выставленных цветочных горшков, небольшими скульптурами и минифонтанами: «Кто во что горазд!» Мне, рьяному садоводу-любителю, так хотелось рассмотреть все поближе, но природная стеснительность перед иностранщиной, впитанная гражданами Советского Союза с рождения, не давала возможность пообщаться с обитателями дворики.

Нас с Алисой почему-то принимали за американок, а не за русских. К счастью, проверить знание английского языка было некому, потому что испанцы – ой, извините, не испанцы, а каталонцы! – изъяснялись исключительно на своем родном языке.

В специализированных магазинах мы с дочкой затоваривались легким сухим вином и соком. Хамон – как я называю, смеясь: трупное мясо двадцатилетней выдержки, – тогда мной еще не был распробован до такой степени, чтобы фанатеть. Гораздо позднее, со вторым мужем приехав в Испанию, я полюбила этот деликатес и уже не могла противиться желанию вкушать хамон чуть ли ни в каждом заведении.

Полупансион подразумевал завтрак и ужин, так что в обед мы с Алисой заходили в околорыбные забегаловки, где можно отведать кушанья, соответствующие нашему кошельку. Языкового барьера, к счастью, не существовало, потому что на стендах выставлялись фото блюд и их цена.

Наша встречающая турфирма мигом уговорила нас с Алисой на разнообразную культурную программу, выжав все сбережения, так что на крупные покупки денег не осталось. Но я ничуть не пожалела потраченных сумм, побывав в невероятной Барселоне, отмеченной творениями Гауди. Общеввропейское повальное увлечение модернизмом в конце 19-го и начале 20-го века благодаря этому гению архитектуры придало красавице-столице Каталонии неповторимый облик.

Куда мы двинулись после Барселоны? На рыцарский турнир, конечно, импровизированный, но зрелище грандиозное. Нас удивила высокая цена за экскурсию, но оказалось, что туда входит кроме турнира и рыцарский ужин, и танцевальная вечеринка до поздней ночи...

Но при всем разнообразии впечатлений, поездка была странной. Я изо всех сил старалась свести наши предыдущие ссоры с дочерью на нет, но у меня плохо получалось. Мы с Алисой продолжали ссориться по пустякам, как только оставались один на один. Не помогли ни яркие испанские пейзажи, ни бассейн с подогревом, ни экскурсии в Порт Авентуру – местный «Диснейленд», ни в музей Сальвадора Дали, ни в монастырь Монсерат...

Алиса оставалась чужой. А моя ли это дочь? Или человек с измененным сознанием, который никогда уже не будет той милой девчужкой, что ластилась ко мне и бежала занимать место для меня в автобусе и электричке? Прошло то время, жаль, что быстро закончилось. Что мне теперь ждать от этой повзрослевшей, но, к сожалению, не поумневшей девушки?

Единственный положительный момент: после поездки в Испанию Алиса окончательно вернулась домой, перестав меня пытаться каленым железом: «Жива – не жива». Мы сосуществовали пока что вдвоем, и мне казалось, что иметь Алиску на глазах лучше, чем хоронить ее ежедневно...

Лето. Жара. И скукота смертельная! Поэтому, встретив как-то на улице бывшую одноклассницу Инку Бахметьеву, меня занесло попутным ветром в компанию конченных неудачниц, которые барахтались вроде бы на плаву, но у них плохо получалось. Я одна была с крутым опытом общения с богатыми мужиками, поэтому чувствовала себя среди них чуть ли не королевой. Этот статус в компании меня очень привлекал. Сонь-капэтэушница жила с мамашей-пьяницей, приводившей в дом черт-те кого. Но именно через одного из ее приходящих отчимов мы теперь и доставали наркоте. Ведь это круто! А деньжата у меня всегда водились. Жанка с Янкой вообще были фабричными, да к тому же и малолетки, а значит – рангом ниже. Ими можно было беззастенчиво командовать и открыто помыкать, а это тоже нравилось мне.

Почему в этой компании неудачниц оказалась Инка? Проще простого: она была страшнее атомной войны и чувствовала себя менее уязвимой среди этих мелких шлюшек.

*Я потусила с ними некоторое время, но отошла в сторону, потому что случилось невероятное... Голос в телефонной трубке показался мне в первую же секунду до боли знаком. Это был мой любимый Вова, мой принц на белом коне, с легкостью приобщивший меня к наркоте. Но это же такие мелочи по сравнению с тем, что **он сам позвонил мне. Сам!***

У нас с ним опять закрутилось, но после нескольких наших встреч случилась неприятность... Я несколько раз звонила ему, чтобы сказать о беременности, но он не брал трубку. А мне не хотелось жить! Не хотелось жить без Вовы! И тогда я снова наглоталась фенозепам...

Но кто-то сверху, наблюдавший за мной постоянно – я это чувствовала! – не дал мне умереть: в этот момент неожиданно позвонили Жанка с Янкой:

– Поедем кататься с пацанами на озеро.

Я и поехала, хотя из-за принятых медикаментов соображала с большим трудом. Вру! Опять безнадежно вру! Я вообще ничего не соображала! Поэтому, усаживаясь на заднее сидение авто, промахнулась и со всей дури въехала лбом в верхнюю железяку, узрев все звездное небо в алмазах одновременно. Никогда не видела подобного фейерверка! Наверное, я на какое-то время потеряла сознание, а когда очнулась, увидела над собой перепуганные лица девок и ребят. Кто-то из них спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.